Уж замуж… второй раз?

Автор:
Елена Малиновская

Уж замуж… второй раз?

Елена Михайловна Малиновская

Звезды романтического фэнтезиУж замуж… #1

Не успела я насладиться свободой после долгого мучительного развода, как угодила в другой мир. Кто-то скажет – повезло. Ведь я очутилась в теле красивой девушки и стала супругой весьма привлекательного барона. Но быстро выяснилось, что муж меня не любит и женился по принуждению. Да и я особой страстью к нему не воспылала. А еще непонятный и пугающий магический дар, проклятое сокровище, надоедливый призрак… Что-то забыла? Ах да, один очень вредный приставучий инквизитор всерьез вознамерился упечь меня за решетку до самой смерти.

Не слишком ли много напастей на мою несчастную голову? Да только путь домой, похоже, навсегда закрыт. Придется выкручиваться собственными силами, вспомнив опыт выживания в жестоких офисных войнах.

Елена Малиновская

Уж замуж… второй раз?

© Е. Малиновская, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть 1. Здравствуй, новый чудный мир!

Глава первая

Развод стал самым счастливым днем в моей жизни.

Я готова была танцевать от радости и петь во все горло от счастья, когда получила на руки заветное свидетельство о расторжении брака и не менее заветный штамп о вновь обретенной свободе в паспорт. Подумать только, подошли к концу десятилетние отношения, последние пять из которых я провела в законном браке. А чувство такое, будто я вырвалась из плена.

С Вадимом мы познакомились на втором курсе филологического факультета педагогического университета. Стоит ли говорить, что в столь специфическом месте представителей мужского пола можно было по пальцам пересчитать, и на них велась настоящая охота со стороны приезжих студенток, которые всеми правдами и неправдами пытались остаться после обучения в столице. Естественно, брак с москвичом был самым простым и легким способом это сделать.

Понятия не имею, чем я зацепила Вадима. В своей группе он был единственным парнем. Как говорится, мечта любого ловеласа: двадцать девчонок, одна другой краше, и он один. Выбирай – не хочу. Тем более что в активах Вадим имел двухкомнатную квартиру почти в центре столицы, где жил с матерью вдвоем, и симпатичную внешность. Высокий, худощавый, темноволосый, с приятным глубоким голосом и пронзительным взглядом темно-карих, почти черных глаз.

Но его выбор почему-то пал на меня. Невысокую полноватую заучку с жидкими русыми волосами, убранными в неизменный хвост. Да и одеваться я предпочитала так, чтобы не выделяться из толпы. Мешковатые кофты, полностью скрывающие фигуру, джинсы и удобные кроссовки.

Словом, после того, как Вадим на общих лекциях стал сидеть рядом со мной, а после учебы галантно провожал меня на метро до дома, я стала объектом

ненависти всей женской части курса.

Девственности, кстати, я тоже лишилась с Вадимом. На третьем курсе, когда на майские праздники мои родители отбыли на дачу сажать картошку, а я отговорилась от этой почетной миссии необходимостью готовиться к сложному зачету. К тому времени они уже были знакомы с Вадимом и наверняка поняли, что к чему. Но проявили житейскую мудрость и не стали пугать молодых возлюбленных неожиданным возвращением, напротив, раз десять позвонили с предупреждением, когда выезжали обратно.

Впрочем, что-что, а очаровывать людей Вадим всегда умел и делал это с поразительной ловкостью. Моя мама в нем души не чаяла, на семейных застольях отдавая ему самые лакомые кусочки приготовленных блюд. А мой отец любил поговорить с ним на политические темы. Точнее сказать, говорил как раз мой отец, а Вадим лишь внимательно слушал и в нужных местах поддакивал, не забывая подливать при этом будущему тестю в рюмку горячительного напитка.

Окрыленная внезапно обрушившейся на меня любовью, я как-то не заметила, что стала учиться за двоих. Вадим частенько просил помочь мне с курсовыми работами и шпаргалками к экзаменам. Да что там, даже его диплом был написан мною от первой до последней строчки.

Впрочем, это не доставляло мне особых неудобств. Учеба всегда давалась мне легко и непринужденно.

На четвертом курсе Вадим фактически стал жить у нас, частенько оставаясь ночевать. Как ни странно, чаще всего на этом настаивала моя мать, которая очень переживала, как бедный мальчик по темноте будет возвращаться домой. Но в то же время я ни разу не была у Вадима в гостях и не была знакома с его матерью. Он сам объяснял это просто. Он был поздним и единственным ребенком, и его мать очень болезненно относилась к намерению любимого сына завести со мной семью. Мол, будет лучше, если мы повстречаемся подольше перед тем, как он представит меня своей родительнице. Пусть она убедится в серьезности наших намерений.

В общем, встретилась с будущей свекровью я гораздо позже. На пятом курсе Вадим сделал мне предложение руки и сердца по всем правилам, чем

окончательно покорил моих родителей. Он явился к нам домой при полном параде. В строгом костюме, с шикарным букетом ярко-алых роз и заветной бархатной коробочкой с кольцом. После чего в присутствии онемевшей от этого зрелища моей матери опустился передо мной на одно колено и попросил стать его женой. Конечно, я сказала «да». Но после Вадим повернулся к моей матери и вежливо спросил, готова ли она отдать ему такое сокровище, клятвенно пообещав при этом сделать все от него зависящее, лишь бы я была счастлива. Полагаю, ответ был понятен. Матушка аж прослезилась от умиления.

Через неделю после этого я наконец-то удостоилась чести быть представленной и матери Вадима – Наталье Валентиновне.

Сигаретный запах я почувствовала еще в подъезде. В просторной двушке висело настолько плотное сизое облако дыма, что очертания мебели угадывались с трудом. Но в глаза сразу бросились грязь и неухоженность этого места.

Наталья Валентиновна встретила нас на кухне. Вадим попросил не разуваться, и пол неприятно лип к подошвам моих кроссовок. Я мельком глянула на мойку, забитую посудой до такого опасного предела, что тарелки готовы были в любой момент полететь вниз. На старой клеенке, прожженной во многих местах, стояли сразу две пепельницы, каждая заполненная бычками до отказа. А посередине стола гордо высилась бутылка самого дешевого портвейна, к которой прилагались три мутных граненных стакана.

Сама Наталья Валентиновна встретила нас в халате и тапочках на босу ногу. Мусоля во рту сигарету, она внимательно выслушала Вадима, который, волнуясь и сбиваясь, представил меня как свою невесту. После пожала плечами, лихо откупорила бутылку и явно привычным движением ловко разлила ее содержимое ровно на три части. Хриплым прокуренным голосом сказала:

– Живите, молодежь, но не здесь.

И жадно забулькала портвейном.

Честно скажу, это знакомство произвело на меня неизгладимое впечатление. Больше всего мне было жалко Вадима, который не смел поднять на меня глаз после ухода из родительской квартиры. Но я постаралась не обращать внимания на червячок сомнения, поселившийся в моей душе после этого визита. В конце

концов, Вадим не виноват, что у него такая мать. Хотя, что скрывать очевидное, уже тогда он частенько перебирал на студенческих посиделках. Зато при моих родителях демонстративно не пил вообще.

Я думала, что наша свадьба будет скромной. Мы только защитили дипломы и не успели найти работу. Со стороны матери Вадима, естественно, никакой помощи в устройстве свадьбы не предполагалось. Мои родители тоже богатством похвастаться не могли. Мать – учительница начальных классов, отец – инженер в небольшой фирме. Поэтому я рассчитывала, что мы просто распишемся в ЗАГСе, затем посидим с родными в кафе. Ну а после укатим в бюджетное романтическое путешествие куда-нибудь в Крым.

Однако моим планам не суждено было сбыться. Сначала Вадим, а потом и моя мать резко воспротивились такому сценарию свадьбы. Причем доводы у обоих были подозрительно одинаковы. Мол, столь радостное событие бывает лишь раз в жизни. Точнее, они уверены, что именно у нашей пары оно будет однажды. Поэтому отметить его надо с размахом, обязательно пригласив всех однокурсников и близких и дальних родственников.

Несмотря на все мои доводы, что глупо начинать совместную жизнь с долгов, родители взяли крупный кредит, и задуманное было исполнено. На свадьбе нам торжественно вручили ключи от крошечной однушки, доставшейся в наследство от умершей несколькими годами ранее бабушки, и пожелали долгих счастливых лет. Ну и детишек поскорее, конечно.

Первая брачная ночь у меня прошла под аккомпанемент пьяного храпа Вадима, который впервые позволил себе лишнее на глазах у моих родителей. Впрочем, те просто посмеялись – перенервничал, бедняга, и не рассчитал своих сил с непривычки.

И потянулось наше совместное бытие. Кстати, ни в какое романтическое путешествие мы в итоге не отправились. На подаренные деньги первым делом был куплен самый мощный компьютер, хотя однушка требовала серьезного ремонта. Но ввязываться в это Вадим не хотел наотрез. Мол, крыша над головой есть, обои пусть и выцветшие от старости, но имеются, а кухню и санузел можно отмыть.

Как думаете, легко ли найти выгодную работу филологу, только покинувшему стены родного университета и не имеющего никаких нужных связей? Правильно, практически нереально.

Первые полгода Вадим просидел дома. Нет, он усердно рассылал свое резюме по разным фирмам, но при этом выбирал самые крутые вакансии и с негодованием отвергал предложения потрудиться сначала стажером. Как объяснял мне: «Не хочу размениваться на мелочи». Я же, в свою очередь, хваталась за любую подработку. Разносила листовки, была курьером, участвовала в платных опросах. Слишком стыдно мне было просить денежной помощи у родителей, зная, что кредит, потраченный на нашу свадьбу, и без того повис на их плечах.

Уходила из дома я в семь утра, приползала обратно часов в десять вечера. Уставшая до такого состояния, что едва добиралась до кровати. И вскоре начались скандалы. Вадим требовал от меня исполнения супружеского долга, но после выматывающей беготни по городу я была способна лишь убедительно сыграть роль трупа, а не сексуальной игривой кошечки.

По пятницам и выходным Вадим неизменно отправлялся на встречи с друзьями. Сначала он приглашал меня с собой. Но после утомительной рабочей недели я мечтала только о сне. Всю субботу я проводила в кровати, воскресенье тратила на уборку, забег по магазинам и готовку на неделю вперед. А Вадим… Вадим приходил поздно, частенько даже не приходил, а приползал. Полдня отсыпался и страдал от похмелья, затем опять уходил.

Со временем я стала замечать пустые пивные бутылки в мусорном ведре и посреди недели. Однако после разговора по душам это прекратилось, а вскоре Вадим нашел себе работу. Один из знакомых устроил его менеджером по продажам, и Вадим не упускал случая, чтобы гордо заявить мне, насколько полезно бывает иногда посидеть с друзьями в баре.

Примерно в это же время я устроилась стажером в типографию. Просматривала готовящиеся макеты листовок, визиток и прочей продукции на предмет опечаток. Печатала отчеты. Варила кофе для начальства. В общем, была девочкой на побегушках, на которую сваливают всю самую скучную, но обязательную работу.

Наконец-то я перестала уставать до черных мушек в глазах. Наконец-то стала возвращаться домой в нормальное время. Готовила горячие ужины для своего ненаглядного. Наладилось все и в постели. Правда, когда в очередной раз Вадим собрался на свои пятничные посиделки и я попросила его взять меня с собой, тот вдруг резко воспротивился. Мол, компания у них давно сложилась, а я никого не знаю. И он вместо разговора с друзьями будет вынужден развлекать меня.

Обидно было – не то слово. Естественно, я не могла не поделиться такой несправедливостью с матерью. Но та, как и обычно, впрочем, приняла сторону Вадима и провела со мной строгую беседу на тему того, что мужчинам не нравится, когда их держат на строгом поводке. Даже самые верные семьянины нуждаются в периодическом отдыхе от своих законных половин.

Вторую годовщину брака Вадим отпраздновал тем, что купил в кредит старенькую иномарку, аргументировав это тем, что устал ездить на маршрутках до работы. После этого мы вновь потуже затянули пояса. Кошелек Вадима внезапно превратился в бездонную черную дыру, в которой молниеносно пропадала вся его зарплата и любые деньги. Помимо платежей по кредиту требовались еще средства на ремонт машины. А ломалась она с завидным постоянством.

И опять я набрала подработок. Теперь по вечерам мы с Вадимом сидели спина к спине друг к другу. Он играл в танчики, я клепала заказные рекламные статьи на стареньком ноутбуке, по дешевке приобретенном с рук у знакомого.

От такого сумасшедшего графика я сама не заметила, как скинула десять килограмм. Наступала зима. Мои сапоги прохудились еще в прошлом году, куртка висела, как на вешалке. И я работала как проклятая, силясь выкроить из нашего небогатого бюджета хоть какие-то копейки на обновление гардероба.

Наконец, нужная сумма была скоплена. В одну прекрасную пятницу я сняла ее с карточки и положила дома на комод, планируя в выходные отправиться за покупками. Но уже вечером обнаружила пропажу.

В тот вечер я узнала, что покупка зимних шин для машины, оказывается, мужу важнее, чем здоровье жены, вынужденной подкладывать в разваливающиеся сапоги бумагу, лишь бы было теплее. А куртка у меня вообще отличная, грех выкидывать. Подумаешь, молния расходится. Надо свечкой натереть – и будет

как новая. И ничего она на мне не висит. Напротив, выгодно скрывает недостатки фигуры.

Это был первый раз, когда я учинила самый настоящий скандал. Ох, как я орала! Так, что соседи принялись стучать по батареям. Разобиженный Вадим в итоге обозвал меня меркантильной стервой и отправился к друзьям. Ночью он не пришел, телефон его был выключен, и я лишь каким-то чудом удержала себя от порыва обзвонить все городские морги.

Явился Вадим вечером в субботу. Помятый и с сильным перегаром. Подарил мне в знак примирения розу и твердо пообещал каждое утро отвозить меня на работу, чтобы я не мерзла на остановках.

Правда, хватило его лишь на два дня, после чего все вернулось в обычную колею.

Так или иначе, но обида была пережита и забыта. Правда, с той поры я никогда не хранила наличности дома, прекрасно понимая, что в любой момент мужу может потребоваться еще что-нибудь для машины.

Наверное, именно тогда наш бюджет стал полностью раздельным. Зарплата мужа уходила ему на одежду, ремонт машины и кредит. Я же платила коммуналку, покупала продукты и пыталась хоть как-то облагородить наше жилье.

В один из очередных семейных праздников мать внезапно спросила: а когда мы планируем осчастливить ее внуками. Как-то неприлично перед родными и знакомыми. Столько женаты, а без детей. У нее уже начали спрашивать, нет ли у нас каких-нибудь проблем с этим делом.

К моему удивлению, Вадим горячо поддержал разговор и посетовал, что это я против пополнения в семье. Дома мы продолжили беседу. Я спросила Вадима, на самом ли деле он хочет завести ребенка. Получив горячее заверение в том, что он серьезен как никогда, я взяла лист бумаги и расписала наши зарплаты и расходы. После чего поинтересовалась, как в эту смету вписываются траты на младенца, если я даже на зимние сапоги вынуждена копить. И Вадим выдал мне гениальный план. Мы переезжаем к моим родителям, однушку начинаем сдавать, и полученного дохода вполне хватает нам на жизнь. Да и мне будет

легче. Отец мой все равно на пенсию собрался, значит, я смогу раньше выйти на работу.

Я пообещала подумать над этим. И уже на следующий день купила в аптеке противозачаточные таблетки. Как позже оказалось, сделала это удивительно вовремя, поскольку весь месяц нас преследовали постоянные неудачи с презервативами. То они сползали, то они рвались, а в итоге Вадим просто отказался их надевать.

Семейная жизнь катилась своим чередом. Постепенно из стажера я доросла до должности повыше с соответствующей зарплатой. Больше мне не надо было копить на обновки. Я позволяла себе и салоны красоты, и маникюр, чем безмерно раздражала мужа, который по-прежнему не имел доступа к моим деньгам. Вадим все чаще возвращался с работы подозрительно веселым и с легким ароматом алкоголя. На мои вопросы лишь отмахивался – мол, почудилось, он ведь за рулем. Закончилось все тем, что однажды его остановили за превышение скорости, учуяли подозрительный запах и лишили прав. Вадим так переживал произошедшее, что принялся пить пуще прежнего. И в конечном итоге его попросили с работы за систематические опоздания и прогулы.

Сама удивляюсь, почему после этого я терпела его так долго. Наверное, надеялась, что он все-таки образумится и возьмет себя в руки. Но нет. Вадим ударился в депрессию. Так показательно страдал и переживал, что у меня язык не поворачивался упрекнуть его в тунеядстве и пьянстве.

В редкие дни, когда Вадим был трезв, я пыталась начать непростой разговор. Уговаривала его обратиться к врачу, обещала заплатить любые деньги за лечение. Вадим плакал навзрыд, клялся, что это был последний срыв, просил не бросать его в такой тяжелый период. Но держался максимум неделю, после чего все возвращалось на круги своя.

Понятия не имею, где он доставал деньги на выпивку. Свои нехитрые драгоценности и банковскую карту я давно хранила в сейфе на работе, а бытовой техники у нас в квартире было минимум. По-моему, иногда Вадим подрабатывал грузчиком в ближайшем магазине. Правда, оплату брал, так сказать, натурой, то бишь бутылкой.

Не в силах лицезреть его в таком виде и терпеть несвязные речи, я вновь начала задерживаться на работе допоздна. Когда я приходила – он обычно уже спал, сотрясая храпом стены единственной комнаты в нашей квартире. И я устраивалась на диванчике в кухне.

С таким рвением к работе меня быстро повысили до начальника отдела. Но об этом я мужу, по вполне понятным причинам, не рассказала. К тому моменту я была сыта по горло его пьяными ревнивыми сценами и ежедневным лицезрением опухшей морды лица. В постели, по вполне понятным причинам, мы больше не пересекались. Все-таки моя брезгливость оказалась выше чувства супружеского долга. И я просто не представляла, как с этим сизым от алкоголя чудовищем заниматься сексом.

Но на развод я по-прежнему не подавала. Наверное, слишком сильной была установка, вбитая в голову с детства, – лучше плохой мужик, чем никакого. И слишком стыдно мне было перед родителями, которые из-за нашей свадьбы лишь несколько месяцев как избавились от кредитной кабалы.

Однако любому терпению рано или поздно приходит конец. Моя чаша переполнилась в тот день, когда я вернулась однажды пораньше с работы и обнаружила своего благоверного, распивающего водку на кухне с почти не одетой дамой, на лице которой были видны следы неумеренных многочисленных возлияний.

Да, пять лет этого неудачного брака изменили меня до неузнаваемости. Больше я не была скромной тихой девочкой-отличницей, не смеющей повысить голос. Впрочем, я и не орала на этот раз. Тихо сказала, чтобы Вадим собирал вещи. И чтоб ноги его больше не было в моей квартире. Ему хватило наглости полезть со мной в драку. Правда, он был настолько пьян, что сделал всего шаг, после чего запнулся и упал, врезавшись лбом в дверной косяк.

Остальное опишу кратко. Директор фирмы, с которым я была в хороших отношениях, выделил мне в помощь пару крепких ребят из охраны. И Вадим, как и все его пожитки, исчез из моей жизни. Его номер был занесен в черный список на телефоне. Пошлина на развод оплачена. Из совместно нажитого имущества – лишь гниющая во дворе иномарка, на которую я не претендовала. Детей не имелось. Поэтому развод был осуществлен даже не в суде, а в ЗАГСе. Хвала небесам, на заседание Вадим не явился, срока на примирение не просил. Наверное, отмечал обретение свободы от меркантильной стервы в моем лице.

И вот теперь я стояла в тесном коридоре, сжимая в руках заветную бумажку, и глупо улыбалась.

Телефон зашелся в звонкой трели. Я взглянула на дисплей и поморщилась. Мама звонит. Эх, опять будет промывать мне мозги.

– Да, – сухо ответила, прижав трубку к плечу и убирая в сумку драгоценный документ.

– Лариса, а может, передумаешь? – без приветствия жалобно начала мама. – Вадим неплохой ведь парень. Подумаешь, оступился. С кем не бывает. Закодировала бы его. Устроила бы к себе в отдел. У всех случаются ошибки.

– Мама, от его ошибок я слишком устала, – строго ответила я. – Мне надоело быть мужиком в семье.

– Но тебе почти тридцать! – Голос матери стал совсем плачущим. – Подумай, где ты найдешь себе другого? Ты же днюешь и ночуешь на работе. Друзей нет, никуда не ходишь.

– Какого другого? – Я ехидно хмыкнула. – Мама, окстись. Да после этого брака я в жизни не взгляну ни на какого мужика. Хватит. Надоело.

– А дети? – Матушка всхлипнула. – Тебе рожать давно пора. Часики ведь тикают.

– Знаешь, вот про детей вообще не заикайся. – Я перехватила телефон поудобнее и зашипела в трубку, силясь не сорваться на гневный крик: – По-моему, это далеко не лучшая идея – заводить детей от алкоголика.

– Я уверена, что Вадим возьмется за ум, – не унималась мать. – Вот твой отец тоже иногда позволяет себе лишнего. Но ты же у нас умницей получилась. Университет с красным дипломом закончила.

– Вот когда Вадим возьмется за ум – тогда мы поговорим, – отрезала я. – И хватит об этом. Пока меня от одной мысли о мужчинах тошнит.

После чего трясущимися от злости пальцами нажала на отбой. Несколько раз глубоко вздохнула, каждый раз после этого выпуская воздух через рот.

– Знакомая история, – вдруг раздался у меня за спиной приятный женский голос.

Я резко развернулась и открыла рот, желая высказать неизвестной все, что думаю про ее манеры.

По-моему, это крайне невоспитанно: подслушивать чужие разговоры! Пусть я и говорила по телефону в общественном месте, но голоса не повышала.

Однако слова так и застряли у меня в горле, когда я увидела девушку, стоявшую за моей спиной.

Светловолосая, худощавая, в простеньких джинсах и обычной футболке, она внезапно одарила меня такой лучезарной улыбкой, что я вдруг обнаружила, как улыбаюсь в ответ.

– Прости, что заговорила с тобой, – покаялась незнакомка. – Но у тебя было такое счастливое и радостное лицо, когда ты вышла из кабинета, что я сразу поняла: в нашем полку одиноких, но несломленных прибыло.

Странное дело, на работе я терпеть не могла, когда люди начинали фамильярничать с первых минут знакомства. Наверное, слишком тяжело далась мне должность, слишком усердно я работала, чтобы стерпеть снисходительное «Ларисочка» или «милочка» от кого-нибудь, пусть даже старше возрастом. Про «тыканье» и говорить нечего.

Но как-то язык не повернулся осадить девушку, хотя она и выглядела на несколько лет младше меня. Сама не понимаю почему. Веяло от нее каким-то необъяснимым спокойствием, уютом и теплом.

– Я сегодня тоже от своего козла избавилась, – продолжила девушка и махнула в воздухе знакомым бланком свидетельства. – Пришла однажды с работы пораньше. А он с моей же лучшей подругой кувыркается. Меня даже не факт измены поразил, а то, что он делал это на свежих простынях, которые я буквально утром постелила. Еще и разводиться не хотел. Цветами засыпал, в

любви до гроба клялся. Такие песни пел, что нам аж два раза срок на примирение давали.

– Сочувствую, – осторожно сказала я.

Признаюсь честно, я не любила все эти внезапные откровения и неожиданные беседы. Тем более с незнакомыми людьми. Не в моих правилах было вступать в разговоры или споры с попутчиками в транспорте, разными томящимися в очередях или такими, как эта девица.

– Да все уже позади! – Девица мелодично рассмеялась. – Сколько веревочке ни виться, а конец придет. Сколько он ни ерепенился, а все равно смирился. Предавший раз – предаст и дважды. Верно ведь?

Вместо ответа я неопределенно пожала плечами. В глубине души глухо зашевелилось раздражение. Да что она ко мне привязалась-то?

Девушка опять улыбнулась, но теперь все очарование этого пропало. Почему-то мне стало не по себе. В висках гулко закололи иголочки пробуждающейся мигрени. В душном тесном помещении мне стало нечем дышать.

– Простите, мне пора, – вежливо проговорила я. – И без того с работы отпрашивалась.

Развернулась на негнущихся ногах и поспешила прочь, отчаянным усилием воли силясь разогнать сгущающуюся муть перед глазами.

Что это со мной? Как бы в обморок не загреметь. Наверное, переволновалась. Да и не ела толком с утра. Только чашку крепкого кофе успела выпить.

Но все то время, пока я пробиралась к выходу, я чувствовала, как странная девушка смотрит мне вслед. И от этого пристального немигающего взгляда боль в висках усиливалась, а между лопаток начало неприятно свербить.

На свежем воздухе мне быстро полегчало. Я отыскала свободную лавочку в небольшом сквере напротив здания ЗАГСа. Уселась на нее и с сарказмом воззрилась на пару молодоженов, которая под ликующие крики родственников и

друзей как раз показалась на крыльце. Невеста сияла, усыпанная лепестками роз и рисинками, жених приветственно махал рукой в камеру нанятого фотографа.

Эх, заглянуть бы в их будущее. Впрочем, нет, не хочу. Почему-то хочется верить, что у них все будет хорошо. Пусть именно они не попадут в печальную статистику по разводам, которая утверждает, что распадается каждый второй брак. Или настоящая любовь бывает только в сказках?

– А это снова я.

Я вздрогнула от неожиданности. Повернулась на знакомый голос, прозвучавший совсем рядом. И увидела, как на лавочку присаживается та самая девушка, которая заговорила со мной в коридоре.

Рявкнуть на нее, что ли? Что ей от меня надо?

– Ты так побледнела внезапно, – продолжила щебетать незнакомка. – Я испугалась, что сознание потеряешь. Вот, вышла проверить, все ли хорошо.

– Спасибо за беспокойство, все отлично, – как можно суше проговорила я.

– Вижу, ты не особо разговорчива. – Девушка, словно не понимая, что ее присутствие и навязчивое внимание уже начало досаждать мне, опять заулыбалась. – Это хорошее качество.

Я промолчала.

Ввязываться в скандал не хотелось. Такой приятный день. Уже середина сентября, но тепло, как летом. Деревья медленно и величаво теряют золотую листву. Небо такое голубое, каким бывает лишь осенью и ранней весной. И дома меня больше не ждет пьяное чудовище. Зачем портить себе настроение? Пусть болтает сколько хочет. Есть такие люди, которые и пару минут помолчать не могут. Все равно сейчас я встану – и отправлюсь на работу. В самом деле, не побежит ведь она за мной.

В этот момент опять тренькнул телефон. Я посмотрела на дисплей, узнала номер директора и тут же ответила на звонок.

– Здравствуйте, Дмитрий Евгеньевич, – сказала я. – Я скоро буду.

– Здравствуйте, Лариса, – прозвучал в трубке глубокий бас. – Ну что, вас можно поздравить?

– Да, спасибо, все прошло хорошо. – Я позволила себе слабую усмешку. Вздохнула и добавила: – И еще раз спасибо вам за помощь. Если бы не вы – не представляю, как бы я справилась с Вадимом.

– Не стоит благодарностей. – Директор издал хриплый смешок. – Женщин вообще надо любить и оберегать. Тем более разве мог я оставить в беде такого ценного сотрудника, как вы?

В трубке что-то вдруг щелкнуло. Раздались помехи, как будто связь вот-вот могла прерваться. Но почти сразу голос директора раздался вновь.

– Знаете, Лариса, – произнес он. – А езжайте-ка вы сейчас домой.

– Домой? – изумленно переспросила я, вспомнив, как болезненно Дмитрий Евгеньевич относится к прогулам. Хорошо хоть отпустил меня на несколько часов утром, признав, что развод – это более чем серьезная причина для опоздания.

– Я же не зверь какой. – В трубке опять что-то неприятно заскрежетало, но слова директора я слышала отчетливо: – На свадьбу-то полагается два отгула. А на развод, уверен, целую неделю отпуска надо давать. Неделю, конечно, я тебе не обещаю. Но лишний денек развейся. Отметь с подружками, выпей винца. Меру, правда, знай, чтобы в понедельник клиентов видом помятым не пугала. А потом с новыми силами да за работу.

– С-спасибо, – запинаясь от удивления, выдохнула я.

В трубке вдруг стало тихо. Затем раздалось привычное «абонент временно недоступен, попробуйте позвонить позднее», и связь оборвалась.

– Выходной неожиданный образовался? – тут же прокомментировала мой разговор с начальством девушка, которая и не думала никуда уходить. – Видишь, как тебе сегодня везет.

Наверное, в каждой бочке меда должна быть своя ложка дегтя. Будем считать, что привязчивая особа – именно такая крохотная расплата за все то хорошее, что случилось со мной сегодня.

– А может, отметим вдвоем наше освобождение? – не унималась девушка. – Я тут ресторанчик недорогой неподалеку знаю. Там отличный бармен. Такие коктейли делает – закачаешься.

Я устало вздохнула и покачала головой.

Ну да, вот только этого мне не хватает. Далеко не лучшая идея – распивать спиртные напитки в обществе человека, которого видишь в первый раз. И который теперь знает, что ты живешь одна.

И вообще, подозрительна мне как-то эта активность. Поневоле вспомнишь все эти криминальные истории, когда в напиток доверчивым жертвам что-нибудь подмешивают. А потом – как повезет. Или просто ограбят, или что похлеще сделают. Благо еще, если в живых оставят.

– Знаешь, подруга, – твердо сказала я и встала. – Спасибо тебе за участие, но мне пора. Удачи!

После чего развернулась и твердо направилась прочь.

В самом деле, не бросится ведь она за мной бежать. А если бросится – то у этой девицы явно не все в порядке с головой.

– До скорой встречи, Лариса, – прозвучало мне вслед.

Я споткнулась на ровном месте. Откуда она знает мое имя? Могу поклясться, что не представлялась ей и не называла его ни в одном телефонном разговоре.

Развернулась, собираясь потребовать объяснений. Но язык словно прилип к нёбу.

Потому что на лавочке никого не было. Дорожки сквера во всех направлениях просматривались прекрасно. И я не видела ни на одной из них странной удаляющейся незнакомки. Девушка словно растворилась в воздухе.

Я потрясла головой, надеясь, что наваждение рассеется. Опять посмотрела на лавочку.

В висках от резкого движения закололо в сто крат сильнее, чем до этого. Скривившись от боли, я с глухим стоном приложила ладонь ко лбу.

Ладно, проехали. Будем считать, что эта ненормальная спряталась где-то в кустах. Не искать же ее, а то точно не отвяжется. Ну а все остальное мне просто почудилось.

Голова чудесным образом прошла, стоило мне только очутиться в своей квартире. Я кинула на диван сумку, поставила в холодильник бутылку мартини, которую все-таки купила по дороге домой.

Дмитрий Евгеньевич прав. Такое дело, как развод, надо отметить. Пусть подруг у меня и не осталось, да что там – никогда и не было, но пару бокалов я заслужила. Тем более теперь не надо бояться, что спиртное из дома будет пропадать в неизвестном направлении. Закажу себе пиццу, посмотрю по интернету какую-нибудь комедию, неспешно потягивая сладковатый напиток. И с завтрашнего дня у меня обязательно начнется новая жизнь. Прекрасная и чудесная. Неужели я этого не заслуживаю?

Но моим планам было не суждено осуществиться. Вечером, получив от курьера квадратную коробку с аппетитным содержимым, я устроилась на диване, поставив перед собой ноутбук. Конечно, уже не тот старый, не раз выручавший меня в прошлом, а вполне себе новый и современный, который я купила сразу же, как выгнала Вадима. Тот работяга, к слову, почил в недрах какого-то ломбарда.

Именно в этот момент в квартире мигнул и отключился свет. Тихо пискнув, вырубился и ноутбук, хотя я была уверена, что батарея у него полностью

заряжена.

Это еще что за дела?

Чертыхаясь, я дотянулась до мобильника. Включила его и недоуменно нахмурилась, заметив отсутствие значка сети.

Странно. Но паниковать еще рано.

В слабом свете мерцающего экрана телефона я подошла к окну. Отдернула занавеску и с интересом уставилась на противоположный дом.

Так, там электричество точно есть. Неужели у меня кто-то вырубил пробки? Вот он – самый главный недостаток расположения счетчика на лестничной площадке. В старой родительской хрущевке он хотя бы в квартире находится.

Воображение мгновенно нарисовало мне алчущего мести Вадима, который поджидает меня за дверью квартиры. Благо, что замок я сменила сразу же, как только отправила его на все четыре стороны. Ну уж нет, выходить я не буду. Дурных, чай, нет. Вряд ли Вадим явится от души поздравить меня с разводом.

Правда, и в темноте до утра сидеть совершенно не хотелось.

Скинув тапки и бесшумно ступая в носках, я подкралась к входной двери. Посмотрела в глазок.

Лестничная площадка прекрасно просматривалась, ярко освещенная электрическим светом. И на ней никого не было.

Или же кто-нибудь прятался за углом, к примеру. Чтобы нападение было как можно более внезапным.

Я покачала головой и опять вернулась в комнату. На рожон я лезть точно не собираюсь.

Мелькнула было мысль вызвать полицию. Стационарный-то телефон работал. Я проверила это, сняв трубку и услышав длинный гудок. Но что я им скажу? Мол,

так и так, у меня в квартире внезапно вырубился свет, а проверить пробки я не могу, потому что боюсь бывшего мужа? Да, господин полицейский, я только что развелась. Нет, господин полицейский, от бывшего мужа угроз не поступало. Нет, никто не пытается выломать мою дверь, не стучит и не орет матом, требуя впустить его.

Полагаю, на это мне ответят сакраментальное: вот когда убьют – тогда и приходите с заявлением.

Я села на диван, на котором собиралась с таким удовольствием провести свободный пятничный вечер. Дотянулась до бутылки мартини и сделала глубокий глоток прямо из горла, силясь успокоить разбушевавшиеся нервы.

И что же мне теперь делать? Ждать утра? Да, наверное, это будет лучше всего. Вряд ли терпения Вадима хватит сидеть в подъезде столько часов подряд. Если он вообще там сидит, конечно.

Бамс!

Я аж подскочила на месте от неожиданного громкого звона, донесшегося с кухни. Как будто кто-то с грохотом уронил на пол сразу несколько кастрюлей.

Эх, была бы у меня кошка – свалила бы эти проделки на нее. Беда в том, что никаких домашних животных у меня не водилось. Ну, кроме тараканов, наверное. Хотя и тех я не видела с тех пор, как выгнала Вадима, а без него некому было оставлять тарелки с недоеденной едой прямо на полу.

На кухне между тем продолжали раздаваться подозрительные звуки. Там что-то гремело, шуршало, шелестело.

Так, ну это уже слишком! Я живу здесь много лет. И за все это время никакого, даже самого завалявшегося призрака, не видела. А Вадим при всем своем желании не смог бы залезть через окно. Это смешно, я живу на пятом этаже. Он бы тысячу раз сорвался по пути сюда. Не такая хорошая у него физическая подготовка, в конце концов.

Набравшись решимости, я встала. Еще раз отхлебнула мартини и на негнущихся от страха ногах отправилась проверять, что же там происходит. Бутылку при этом прихватила с собой. Так, на всякий случай. Если что – пусть плохенькое, да оружие.

Несколько шагов по темному коридору показались мне настоящей вечностью. Чем ближе была кухня, тем отчаяннее мне не хотелось в нее заходить. От страха мельчайшие волоски на моем теле встали дыбом. По позвоночнику дружной толпой бегали холодные мурашки – то в одну, то в другую сторону.

– Пшли все прочь! – диким голосом заорала я, одним гигантским прыжком преодолев последние метры. – Это мой дом!

И осеклась.

На плите горели сразу все конфорки, хотя я могла бы поклясться, что не зажигала сегодня газ. Все равно готовить не собиралась. И в неярких отблесках просто-таки потустороннего из-за синего цвета пламени я увидела ту самую девицу, которая упорно досаждала мне в ЗАГСе. Она преспокойно стояла посреди кухни и с легкой улыбкой смотрела на меня.

– Я говорила, Лариса, что мы скоро увидимся, – почти пропела она.

Я покрепче перехватила бутылку, готовая метнуть ее в незваную гостью. Понятия не имею, как она здесь очутилась. Но она явно ненормальная, раз вламывается в чужие квартиры.

Девушка улыбнулась шире. И я с замиранием сердца увидела, как в ее глазах заплясали алые огоньки, которые с каждым мгновением разгорались все ярче и ярче.

Да, на блики от зажженного газа такое не спишешь.

Я попятилась, совсем забыв о своем намерении вступить в схватку.

Бежать! Только эта мысль билась сейчас в моей голове. Бежать прочь! И плевать, что в подъезде меня может поджидать Вадим. Разъяренного бывшего

мужа я боюсь намного меньше, чем эту странную особу.

Но я не успела осуществить свое намерение.

– Потом поблагодаришь, – проговорила девушка и прищелкнула пальцами.

В тот же миг огонь на конфорках взметнулся до самого потолка. И мир вокруг исчез. Я ухнула в темноту, не успев ни испугаться, хотя сильнее сделать это было практически невозможно, ни удивиться.

Глава вторая

Я проснулась резко, как будто кто-то окликнул меня по имени. Некоторое время лежала с закрытыми глазами, силясь понять, где я и что случилось.

Перед моим мысленным взором мелькали картины вчерашнего дня. Развод. Странный разговор с не менее странной девушкой, имени которой я так и не узнала. Страшный вечер в полной темноте.

А может быть, мне все это привиделось? Бывают же такие кошмары, которые не отличишь от реальности. Сейчас раздастся звонок будильника, и выяснится, что мне лишь предстоит пережить пятницу.

– Госпожа, – в этот момент послышался негромкий оклик.

Госпожа?

Я с сарказмом фыркнула про себя. Почему-то такое обращение живо напомнило мне традиции садомазохизма. И неуемное воображение тут же нарисовало мне роковую красотку в черной кружевной маске и в ярко-алом кожаном бикини, призывно поигрывающую хлыстом.

– Госпожа, – уже настойчивее повторил тот же голос. – Вы проснулись? Господин просил осведомиться о вашем самочувствии.

И внезапно я осознала, что это обращаются ко мне.

То есть это я госпожа? Однако. Еще ни разу за почти тридцать лет меня так не именовали.

Постойте, а господин тогда кто?

От этого вопроса малейшие остатки дремы мгновенно слетели с меня.

Я резко распахнула глаза. Несколько секунд тупо смотрела в потолок явно не своей квартиры.

Точнее сказать, и не квартиры вовсе. Над моей головой находился высокий белоснежный свод, украшенный искусной лепниной с позолотой. Как будто я каким-то чудом угодила в средневековый замок.

– Так как вы себя чувствуете? – повторил кто-то вопрос.

Я повернула голову и увидела совсем молоденькую девушку лет, наверное, пятнадцати, не больше. Ее светлые волосы были убраны под аккуратный чепчик. В руках она нервно комкала край белоснежного передника, повязанного поверх длинного – до пола – серого шерстяного платья.

Ох, и впрямь Средневековье какое-то.

Затем я медленно повела головой из стороны в сторону, изучая обстановку незнакомой комнаты, в которой очнулась. И мои брови сами собой полезли на лоб.

Потому что размерами эта комната не уступала всей моей квартире. Одна кровать, на которой я лежала, наверное, занимала площадь никак не меньшую, чем моя кухня, а то и большую. Еще здесь имелись старинный на вид платяной шкаф, деревянный широкий стол, придвинутый вплотную к окну, несколько массивных дубовых кресел, огромное – в мой рост – трюмо.

Я зажмурилась и как следует ущипнула себя за локоть под одеялом. Нет, я точно еще сплю. Что происходит? Где я?

Боль, однако, никак не изменила реальность. Видение не торопилось развеиваться под ее воздействием. Я по-прежнему находилась в покоях, словно сошедших со страниц учебника по истории.

– Госпожа, – в голосе девушки прорезалось настоящее отчаяние, – вам еще плохо? Кликнуть целительницу?

Как ни странно, именно последняя фраза убедила меня, что это не розыгрыш и не затянувшийся сон. Целительница. Не врач, не доктор, а целительница.

«А может быть, ты сошла с ума? – сочувственно шепнул внутренний голос. – Период у тебя выдался тяжелый. Разборки с Вадимом, развод. Наверное, ты сейчас лежишь в какой-нибудь психиатрической клинике, обколотая до предела препаратами. И вся эта реальность – лишь бред воспаленного сознания».

Раздался звук открывающейся двери. Я продолжала лежать с закрытыми глазами, подумав, что девушка все-таки побежала за помощью. Если мне все это только чудится – то какая разница?

– Агнесса, тебя слишком долго не было, – вдруг услышала я укоризненный мужской голос. – Неужели так тяжело было выполнить столь простое поручение? Я ведь просил всего лишь узнать у моей жены, все ли в порядке, а потом сообщить мне.

– Простите, господин, – тихо пролепетала служанка в ответ. – Но она молчит. Хотя уже очнулась.

Не выдержав мук любопытства, я открыла глаза и воззрилась на вновь прибывший плод моей фантазии.

О, что это был за мужчина! Высокий, худощавый. Волосы темные настолько, что отливали в синеву. А глаза почему-то светло-голубые.

Одет незнакомец был в строгий темный камзол, чьи лацканы украшала неяркая серебристая вышивка. Узкие штаны были заправлены в высокие сапоги.

Увидев, что я смотрю на него, мужчина улыбнулся мне, и мое сердце забилось в сто крат чаще.

Такого красавчика лишь на страницах женских журналов встретишь. Жалко, что на самом деле его не существует.

– Как ты себя чувствуешь, Тереза? – с нескрываемой заботой в голосе поинтересовался он и сел подле меня. Накрыл своей ладонью мою руку, которая лежала поверх одеяла. Чуть сжал ее.

Я ощутила, как мои щеки заливает предательская краска смущения. Ох, если это сон – то пусть он продлится подольше. Пожалуй, я даже против постельной сцены не буду возражать. Слишком давно у меня не было мужчины.

– У тебя жар? – тут же с тревогой осведомился незнакомец. Наклонился ко мне и мазнул губами по моему лбу, видимо, желая проверить свое предположение.

От столь невинного и целомудренного прикосновения у меня аж испарина выступила. Лицо и даже уши невыносимо запылали.

Мужчина тут же отстранился и, не оборачиваясь, строго приказал девушке, которая все так же мялась около кровати:

– Агнесса, кликни Лию. По-моему, у моей жены сейчас опять случится приступ.

Ну, приступ вожделения у меня уже случился. Кажется, я больше не хочу, чтобы мое видение прекращалось. Если я действительно лежу в больнице, то врачам самое время кольнуть мне еще какого-нибудь лекарства, лишь бы я подольше оставалась в этой реальности.

Служанка тут же выскочила прочь из комнаты, торопясь исполнить повеление хозяина. А тот остался сидеть рядом со мной, ласково гладя по волосам, словно маленького ребенка.

– Ничего, моя хорошая, не волнуйся, – прошептал он. – Лия обещала вылечить тебя. И я знаю, что у нее обязательно получится. Она недаром считается лучшей целительницей не только в Мефолде, но и во всем Орленде.

Мефолд? Орленд? Это еще что за странные названия?

Опять хлопнула дверь. Я перевела взгляд на лучшую целительницу, прибывшую вылечить меня, и удивленно приоткрыла рот.

Потому что на пороге стояла уже знакомая мне девица. Та самая, которая так настойчиво преследовала меня в ЗАГСе, а потом каким-то чудом пробралась в мою квартиру. Правда, теперь она была одета не в джинсы и футболку. На ней красовалось длинное шелковое платье небесно-голубого цвета.

– Что-то случилось, барон Теоль? – спросила она, вежливым кивком поприветствовав мужчину. – Вашей жене опять плохо?

– Она вся горит, Лия, – сухо сказал мужчина и встал. С явным укором воскликнул: – Ты же обещала, что после твоего ритуала она пойдет на поправку!

– Увы, ничто в этом мире не происходит мгновенно. – Девушка пожала плечами. Вкрадчиво попросила: – Пожалуйста, оставьте меня с госпожой Терезой наедине. Я проверю, что с ней.

Мужчина тяжело вздохнул. Как-то устало понурился и послушно вышел из комнаты.

Тотчас же девушка подмигнула мне с заговорщицким видом.

– Ну что, Лариса, нравится тебе мой подарок? – спросила она, благоразумно понизив голос и отойдя подальше от двери.

Я вновь ущипнула себя за многострадальный локоть. Надеюсь, на этот раз поможет. Хотя даже немного жаль, если все окажется лишь наваждением. Такого красавчика в обычной жизни-то я точно не встречу.

– О, вижу, что ты оценила своего супруга по достоинству. – Лия негромко хихикнула.

Я нервно сглотнула ставшую вдруг вязкой слюну. Она что, читает мои мысли?

– Ага, читаю, – подтвердила девушка и присела на краешек кровати. Весело проговорила: – Хватит уже играть в молчанку. Я знаю, что вопросов у тебя ко мне множество. И я готова ответить на все. Но сперва встань и посмотри на себя в зеркало.

Естественно, я поторопилась выполнить это пожелание. Откинула одеяло в сторону и, путаясь в какой-то длинной хламиде, которая была на мне, бросилась к трюмо.

Я думала, что меня уже ничем нельзя удивить. Но ошибалась. Из отражения на меня посмотрела незнакомка.

Блестящие густые каштановые волосы спускались у нее ниже пояса. Огромные синие глаза с пушистыми длинными ресницами взирали на меня с таким же изумлением, что я испытывала сейчас.

– О небо, – прошептала я, впервые подав голос с тех пор, как проснулась в этом месте.

И не узнала своего голоса. Теперь он звучал с мягкой волнующей хрипотцой. Но самое главное – у отражения тоже зашевелились губы.

– Это ты, даже не сомневайся, – любезно подтвердила Лия. Добавила: – Точнее, госпожа Тереза Теоль. Любимая жена барона Петера Теоля.

Я потянулась было опять к своему локтю, но решила все-таки не щипать его. Хватит себя уже мучить. И без того понятно, что это не поможет.

Значит, тот красавчик – мой муж? Н-да, даже не знаю, радоваться или огорчаться этому факту. Не успела избавиться от одного благоверного, как тут же нового заполучила. И все, что я знаю о своем супруге, – это его имя и титул.

– Кстати, вы поженились всего неделю назад, – уведомила меня Лия. – Но, увы, барон так ни разу и не успел исполнить свой супружеский долг.

– У него какие-то проблемы с этим? – невольно заинтересовалась я, повернувшись к Лии.

Час от часу нелегче. Ну и зачем мне такой мужчина рядом? Только слюнки пускать и останется.

– Нет, это у тебя были проблемы. – Лия легкомысленно пожала плечами. – Видишь ли, моя дорогая Тереза. Уж прости, буду тебя отныне называть именно так. Надо же тебе привыкнуть. Так вот, та особа, в чьем теле ты сейчас оказалась, не любила своего супруга. Она вышла замуж под давлением семьи. Отец у нее тот еще картежник. Азартный до безобразия, но блефовать не умеет. Поэтому и выдал красавицу дочку за богатого человека, надеясь, что зять не оставит разорившееся семейство жены в беде.

Я нахмурилась. Чем дальше в лес – тем злее волки, как говорится. Теперь еще выясняется, что у меня тут и родственники имеются. Точнее сказать, люди, которые искренне будут считать меня своей дочерью.

– Сама Тереза, к слову, была влюблена в конюха, – продолжила просвещать меня Лия. – Как его, Роб, что ли. Настолько влюблена, что готовилась сбежать с милым накануне свадьбы. Благо, ее отец заподозрил неладное и до самого торжества запер драгоценную непокорную дочку от греха подальше. А самому конюху хорошенько дал под зад, дабы не портил столь замечательный план по улучшению благосостояния семьи. Тереза так тяжело переживала разлуку с любимым и так сильно не хотела ложиться в постель с нелюбимым, что решила отравиться. При этом сделать это максимально эффектно – на пиршестве сразу после брачного ритуала. Выпить кубок с отравой и пасть бездыханной к ногам мужа, шокировав тем самым и самого несчастного Петера, и многочисленных гостей, и властного папашу.

– Дура какая-то, – буркнула я, не сдержав эмоций, и выразительно покрутила указательным пальцем у виска.

Спрашивается, и чем ей Петер-то не угодил? Богатый, красивый, заботливый. Да еще и барон.

– Любовь зла, – ответила Лия. – А молодости свойственна горячность и категоричность. Терезе всего восемнадцать. Вспомни себя в это время. Неужели не творила всяких глупостей?

– Представь себе – нет, – отрезала я. – В восемнадцать я упорно училась.

– А в девятнадцать познакомилась с Вадимом, – с сарказмом фыркнула Лия. – И тут же влюбилась в него без памяти. Хотя всем окружающим было очевидно, что он лишь использует тебя и твою голову. Или он не был на грани отчисления, когда вы начали встречаться? И не ты ли писала за него доклады и переписывала конспекты, за уши вытягивая из болота долгов и хвостов по учебе?

Я пристыженно промолчала. Уела, что называется. И крыть нечем. Но откуда она столько знает о моей жизни? Даже как-то страшно становится.

– Оттуда, откуда надо, – отрезала Лия, и в глубине ее зрачков опять заплясали красные хищные огоньки.

Я невольно отпрянула назад. Уперлась спиной в зеркало. Нет, зуб даю, эта Лия точно не человек. Просто умело притворяется им.

– Таких, как я, у нас называют ходящими между мирами, – неохотно обронила Лия. – Реальностей на самом деле великое множество. И все они соприкасаются, правда, найти эти точки взаимодействия двух миров могут лишь избранные. Вот мне и… повезло стать одной из таких.

В последней фразе девушки почему-то прозвучала непонятная горечь. Она опустила голову, уставившись на свои руки, смирно лежащие на коленях. Но почти сразу вновь посмотрела на меня и опять улыбнулась как ни в чем не бывало.

– Так вернемся к нашей Терезе, – произнесла она. – Естественно, сама яд она раздобыть нигде не могла. Отец следил за строптивицей, не спуская глаз. И тогда она решила обратиться за помощью ко мне. Знаешь, кто умеет исцелять – тот может и убивать. Тереза талантливо разыграла недомогание. Отец, испуганный, что из-за болезни дочери придется перенести свадьбу, тут же послал за мной. Оставшись со мной наедине, Тереза мгновенно перестала ломать комедию. Кинулась мне в ноги, умоляя о помощи. И как плату предложила старинное колье, оставшееся ей в наследство от умершей матери.

– И ты согласилась? – спросила я, даже не пытаясь скрыть неодобрения.

– Ну как сказать… – Лия неопределенно хмыкнула. – Я ведь не монстр какой. Я пообещала Терезе, что она будет счастлива в другом мире. Но не уточнила, в каком.

Я аж задохнулась от внезапной догадки. То есть я сейчас в теле этой самой Терезы, а она, получается, в моем?

– Ага, – довольно подтвердила Лия. – Тереза, по сути, мечтала даже не о воссоединении с любимым. Она мечтала о бегстве. Хотела избавиться от назойливой опеки отца, самой принимать решения и нести за них полную ответственность. И я дала ей это.

Я скептически кашлянула.

Ох, что-то мне заранее жалко несчастную. Ей всего восемнадцать, а ее поселили в тело почти тридцатилетней, у которой куча проблем, начиная от бывшего мужа и заканчивая нервной тяжелой работой.

Мне в этом смысле повезло как-то больше. Хотя бы потому, что я резко помолодела и похорошела. Да и против Петера в постели я ничего иметь не буду. Хорош мужик, что скрывать.

– В каждой бочке меда есть своя ложка дегтя, – загадочно протянула Лия.

– Ты это о чем сейчас? – Я мгновенно насторожилась.

Ох, как бы не услышать, что Петер хорош лишь внешне, а внутри с гнильцой. Вадима, помнится, тоже страшным назвать было нельзя. А вот как все обернулось.

– Это как-то неинтересно – сразу тебе все рассказывать. – Лия укоризненно цокнула языком. – Сама узнаешь. Ты девушка умная. Жизнью уже потрепанная. Думаю, справишься.

Стоит ли говорить, что эти слова мне спокойствия не добавили? Отнюдь. О чем умолчала Лия? Какие неприятности меня ждут впереди? Явно ведь что-то очень и очень нехорошее.

– Я потому и выбрала тебя, – продолжила Лия. – Мне пришлось по нраву то, как ты осадила свою мать по телефону. Да и с мужем рассталась без лишних соплей и переживаний. Любая другая тянула бы этот груз на себе долгие годы. Верила бы пустым обещаниям измениться, кормила бы и отмывала после загулов.

Я слушала Лию, морщась все сильнее и сильнее. Для чего она выдернула меня из родного мира, где в моей жизни только-только начиналась белая полоса после долгих лет испытаний и неудач? Чтобы я решала уже чужие проблемы в чужой реальности и в чужом теле? Спасибо, что-то не хочу я подобного счастья.

– Верни меня обратно! – прошипела я. – Немедленно!

– А как же Петер? – наигранно удивилась Лия. – Он же тебе понравился.

– Переживу как-нибудь, – процедила сквозь зубы. – Найду и покрасивее.

– Ты даже не выяснила, что я имею в виду, а уже готова трусливо сбежать? – Лия покачала головой. – Не узнаю тебя, Лариса. За свое счастье надо бороться.

– Я сыта борьбой уже по горло. – Я невольно сжала кулаки и шагнула по направлению к Лии, которая лениво покачивала туфелькой, с откровенной насмешкой глядя на меня.

– Позволь мне сначала закончить рассказ про Терезу, – сказала она, видимо, нисколечко не испугавшись моих явных недружелюбных намерений. Не дожидаясь моего ответа, тут же продолжила: – Итак, я согласилась помочь ей. Дала крупинку якобы яда, который ей надо было растворить в кубке с вином. Честно говоря, я думала, что она струсит. Не такая уж невидаль – выходить замуж без любви, но по расчету. К тому же Петер, как ты и сама верно заметила, не кривой, не косой. Но Тереза все сделала так, как я ей сказала. После чего упала в обморок. И прометалась в беспамятстве неделю.

– Почему? – спросила я.

– Что – почему? – переспросила Лия, не уловив сути вопроса.

– Почему она металась в беспамятстве неделю? – пояснила я. – Меня ты забрала из моего мира без таких сложностей.

– А ты в этом уверена? – Лия с сарказмом фыркнула. – Лариса, твое тело сейчас находится в реанимации. Помнишь тот вечер, когда ты решила отметить развод?

– Еще бы. – Я всплеснула руками и язвительно добавила: – Вот как вчера все помню. Потому как он и был вчера.

– На самом деле в твоем мире тоже прошла неделя, – пояснила Лия. – Правда, события мне пришлось слегка подкорректировать. У тебя в квартире погас свет. Ты вышла на лестничную площадку, желая проверить пробки. И получила хороший такой удар по голове от Вадима. Убить он тебя не убил, но в больницу отправил надолго.

– Вот же гад! – с чувством выдохнула я и потерла затылок, словно налившийся болью.

Нет, я понимала, что все это произошло уже не со мной. Точнее, со мной, но не здесь. Точнее… Тьфу ты, совсем запуталась! Но все равно как-то неприятно осознавать, что Вадим сумел-таки навредить мне.

– Не беспокойся, твой бывший муж понесет за это заслуженное наказание, – заверила меня Лия. – Это была своего рода гарантия того, что он не будет досаждать настоящей Терезе. Я все-таки не жестокая бессердечная тварь. Нельзя же столько испытаний бедной девочке сразу посылать. Ну а на самом деле процесс переноса души из одного мира в другой – достаточно длительный и утомительный. К тому же и тебе, и Терезе нужно время, чтобы адаптироваться к новой реальности. Ее недельный приступ забытья здесь, твое тяжелейшее сотрясение мозга там послужат для окружающих убедительным оправданием для некоторых странностей, которые вдруг проявятся в ваших характерах. Частичную амнезию тоже никто не отменял. Поэтому никто не удивится, если ты или она не сразу узнаете родных и друзей и не вспомните их имена.

– А… – начала было я, желая задать еще какой-то вопрос.

– Достаточно, – мягко, но непреклонно оборвала меня Лия. – На этом все. В остальном разберешься по ходу дела. Девушка ты сообразительная, справишься.

А мне надо уходить. Вот-вот очнется Тереза. Ей тоже потребуются объяснения.

– Но… – не унималась я.

Лия уже не слушала меня. Она встала и неспешно отправилась к двери.

– Удачи, – уже на пороге обронила она, не удостоив меня прощальным взглядом. – Не хочу пугать, но она тебе понадобится.

И вышла прочь.

Почти сразу я услышала ее громкий голос. Видимо, она обращалась к взволнованному Петеру, все это время караулившему в коридоре.

– Не беспокойтесь, барон Теоль, – проговорила Лия. – С вашей женой все в полном порядке. Кризис миновал. Теперь день ото дня ей будет становиться все лучше и лучше.

– Замечательно! – с нескрываемым облегчением воскликнул Петер.

– Только учтите, господин, – добавила Лия. – Болезнь была тяжелой. Ваша жена долгое время балансировала между жизнью и смертью. Возможно, у нее появятся некоторые странности. Провалы в памяти, и всякое такое прочее. Не волнуйтесь. Со временем все придет в полную норму. Проявите понимание и терпение.

– Да-да, конечно же! – горячо заверил ее Петер.

После чего дверь распахнулась, и он сам ворвался в комнату. Правда, тут же остановился как вкопанный, уставившись на меня так, словно увидел привидение. На его щеках зарделся румянец.

Я немедленно заволновалась. Что он так глазеет? Как будто я голышом перед ним оказалась. Да на мне такая длинная бесформенная хламида надета, что очертания фигуры-то толком не просматриваются.

– Ох, прости, Тереза! – Петер опомнился и тут же повернулся ко мне спиной. – Я должен был постучать. Не думал, что ты нашла в себе силы встать. Извини, что смутил тебя.

Я на всякий случай кинула взгляд в зеркало. Может, эта ночная рубаха как-нибудь предательски просвечивает? Да нет вроде бы. Все более чем в пределах нормы. В таком одеянии и перед совершенно незнакомым человеком появиться не стыдно. А я как-никак все-таки его законная супруга.

– Да ничего страшного, – буркнула я. – Все в порядке.

– Я думаю, тебе надо вернуться в постель, – продолжил Петер, по-прежнему упорно разглядывая стену. – Ты еще слишком слаба.

Ага, сейчас! Так я его и послушалась. Подумать только: я оказалась в другом мире! Да мне и минуты нельзя терять. Необходимо рассмотреть свои новые владения, познакомиться со слугами.

Да, кстати! Прежде всего мне необходимо познакомиться со слугами. Они наверняка в курсе, что не так с их хозяином. А с ним точно что-то не так. Иначе к чему были все эти настойчивые намеки Лии на грядущие неприятности?

– Целительница Лия сказала, что я в полном порядке, – возразила я. Замешкалась, выбирая верное обращение к мужу.

И как же тебя назвать? Просто по имени? Бароном? Господином? Я ведь совершенно ничего не знаю о традициях этого мира!

Ладно, попробуем действовать по наитию.

– Я действительно чувствую себя замечательно, – прощебетала я как можно убедительнее. Замешкалась, но все-таки добавила: – Дорогой мой.

Петер не удержался и резко развернулся ко мне. Его глаза при этом от удивления были похожи на два огромных блюдца.

Ой. Ой-ой-ой. Я что-то не то ляпнула? Неужели в этом мире не принято ласково обращаться к своим вторым половинкам?

– И я была бы очень благодарна тебе, если бы ты приказал Агнессе помочь мне одеться, – продолжила я. Не удержалась и решила проверить свое предположение, томно выдохнув: – Милый, ты же не против?

Глаза Петера стали еще круглее, хотя это казалось практически невозможным.

– Н-нет, – почему-то запинаясь, произнес он. – Если ты на самом деле уверена в своих силах, то я только рад этому. Лия говорила, что во время выздоровления тебе будет полезно много гулять на свежем воздухе.

И, не дожидаясь моей реакции на его слова, тут же вышел прочь.

Я вернулась к кровати и села. Задумчиво потерла себе лоб.

Ну и что теперь делать? Очевидно, что я ничего не знаю ни о настоящей Терезе, ни о своем супруге. Но, с другой стороны, настоящей Терезе можно только посочувствовать. Ей-то будет гораздо тяжелее осваиваться в новом мире, полном непонятной для нее техники.

– Госпожа?

В дверь робко постучались. Не дожидаясь ответа, она приоткрылась, и в комнату проскользнула уже знакомая мне служанка, которая несла на вытянутых руках платье.

– Отлично! – воскликнула я. Тут же стащила через голову странную хламиду и откинула ее подальше.

Жуть просто! И как в такой гадости спать? Она же из плотной ткани, тело совсем не дышит. Да и между ног путается.

Я поняла, что совершила какую-то ошибку, когда заметила реакцию Агнессы на свой поступок. Она почему-то оцепенела на месте, так и не сделав очередного шага. И таращилась при этом на меня совсем так же, как и Петер недавно.

Так, а теперь-то я что не так сделала? Или в этом мире какой-то запрет на переодевание даже в присутствии представителя твоего же пола?

Кстати, прежде чем облачиться в предложенный наряд, я бы не отказалась принять душ и умыться. Вроде бы ни от Петера, ни от служанки потом не пахнет. Значит, какие-то правила личной гигиены тут соблюдают.

– А где здесь ванная комната? – как можно более непринужденно осведомилась я.

Агнесса, не отводя от меня потрясенного взгляда, ткнула рукой куда-то в сторону. Присмотревшись, я увидела небольшую дверцу, которая почти полностью сливалась по цвету со стеной.

Ох, только бы не оказалось, что перед купанием надлежит приказать слугам натаскать и согреть мне воды! Средневековье, а сдается, что я попала именно в аналог такового, конечно, весьма романтичное время. Если читаешь про него на страницах любовных и исторических романов. А если задуматься, то ничего хорошего в нем и не было. Ни лекарств нормальных, ни удобств элементарных, ни всего прочего, без чего я с трудом представляю жизнь.

Мучимая самыми дурными предчувствиями, я встала и, шлепая босыми ногами по полу, подошла к дверце. Приоткрыла ее и с любопытством принялась озираться.

Окон в этом помещении не было, поэтому я ничего не увидела. Меня обступила плотная лиловая мгла.

Ну и как тут мыться? На ощупь, что ли, искать ведра и ковшики?

– Позвольте, госпожа, – проговорила в этот момент Агнесса, наконец-то вышедшая из состояния ступора.

Я посторонилась, и она ловко протиснулась мимо меня в комнатушку. Что-то негромко щелкнуло – и я восторженно вздохнула, увидев взлетевшую под потолок хрустальную сферу, в которой билось живое яркое пламя.

Ух ты, это же самая настоящая магия! Я о подобном раньше только в книжках читала.

Тотчас же тьма рассеялась, и перед моим взором предстала огромная чугунная ванна, стоявшая на причудливо изогнутых железных ножках.

Агнесса между тем продолжала колдовать. Она с усилием повернула рычаг, который крепился на трубе, выходящей в ванную. И оттуда полилась вода.

Я аж подпрыгнула от радости. Фух, гора с плеч! Значит, никаких слуг с ведрами ждать не следует. Сунула было руку под струю воды, но тут же отдернула ее.

– Ледяная! – с претензией сказала я Агнессе, которая не торопилась покинуть меня. – Как под такой мыться?

Служанка, видимо, уже привыкла к моим чудачествам. Поэтому на сей раз округлять глаза в немом изумлении не стала. Чуть потянула рычаг на себя – и от воды пошел пар.

Интересная система. Чем-то, кстати, напоминает кран в моей квартире.

– Спасибо, – поблагодарила я служанку. – Дальше сама разберусь.

Агнесса мигом выскочила прочь, и я со вздохом наслаждения принялась приводить себя в порядок.

На одной из полок, расположенных прямо над моей головой, я обнаружила целую шеренгу всевозможных бутылочек и склянок. Правда, ни одна из них не была подписана.

Кстати, еще один вопрос – а читать-то я умею? Наверное, при переселении души у моего нового тела остались какие-то базовые навыки. Ведь речь-то я понимаю. Другой вопрос, обучали ли грамоте Терезу. Помнится, в Средние века образование для женщин, даже для знатных, считалось не таким уж и необходимым.

Ладно, проверим позже.

Откупорив и придирчиво понюхав все бутыльки, я выбрала тот из них, содержимое которого пахло наиболее приятно. Взяла в руки мочалку и как следует ливанула на нее прозрачной жидкости с тягучим ароматом полевых трав.

Наверное, я нежилась не менее получаса. Тщательно вымыла длинные волосы, не менее тщательно растерла все тело. После чего с неохотой вылезла и обернулась длинным пушистым полотенцем, стопку которых обнаружила в нише за дверью.

Ну, по крайней мере, мне не придется страдать от грязи и постоянного запаха пота. Это хоть чуть-чуть, но радует.

Затем я задрала голову и с сомнением посмотрела на сферу с пляшущим внутри огоньком.

Уходя – гасите свет. Но как это сделать?

В голове что-то шевельнулось. Какой-то обрывок воспоминания или ускользающая мысль. Но неожиданно даже для себя я услышала собственный голос, который мягко произнес:

– Спать.

Сфера послушно и плавно опустилась в углубление на одной из полок. Затем пламя мигнуло раз, другой – и вовсе сошло на нет.

Надо же, видимо, мое недавнее предположение было верно. Какие-то рефлексы у меня остались от настоящей владелицы этого тела.

И опять у меня возникло смутное ощущение того, что я что-то забыла сделать. Я подняла руку, притронулась к мокрым волосам. И с удивлением ощутила, как кончики пальцев потеплели. Мгновение, другое – и моя шевелюра оказалась абсолютно сухой.

Ну вот и вторая хорошая новость. Тереза обладала магическим даром. Или же, что тоже вероятно, в этом мире все люди так или иначе способны колдовать.

Агнесса терпеливо дожидалась окончания моих водных процедур. Она помогла мне облачиться в платье жемчужно-серого цвета, зашнуровала корсет. Затем взяла в руки гребень и аккуратно причесала меня, ловко и привычно убрав волосы в высокий пучок, скрепленный множеством шпилек.

Я украдкой поморщилась, посмотрев на обувь, которую предложила мне служанка. Тесные даже на вид туфли на высоких каблуках как-то не располагали к долгим прогулкам. Эх, изобрести, что ли, кроссовки. Ну, или кеды на крайний случай.

Спустя несколько минут процесс одевания был полностью завершен. Агнесса с полупоклоном отошла, смиренно скрестив перед собой руки.

– Я буду очень благодарна тебе, если ты проводишь меня в сад, – проговорила я и растянула губы в самой любезной из всех возможных улыбок.

– Да, конечно, – тихо прошелестел голос служанки. – Господин Теоль приказал, чтобы я постоянно была рядом с вами.

Надеюсь, я сумею разговорить девушку. Надо же понять, что за человек мне достался в мужья. Подсказывает интуиция, что в этом мире развестись будет на порядок сложнее, чем в моем. Если вообще возможно.

Как ни странно, но в столь неудобной обуви я почему-то чувствовала себя вполне уверенно. По крайней мере, без проблем преодолела несколько витков длинной каменной лестницы, ведущей с этажа, где располагалась моя спальня, в просторный холл.

Тот был совершенно пустым. Через арку, за которой находилась, по всей видимости, гостиная, я успела заметить несколько массивных кресел, стоявших полукругом у нерастопленного камина, стол с напитками, длинный диван. А еще стеллажи с книгами.

Книги! Эх, доберусь я до вас. Но чуть позже. Сперва постараюсь развести служанку на откровенность.

Затем мы с Агнессой вышли на просторное крыльцо.

Я с превеликим удовольствием полной грудью вдохнула свежий воздух. Замок барона Теоля располагался на высоком берегу широкого озера, никакой неприступной крепкой ограды и ворот у него не имелось, поэтому с моего места открывался чудесный вид на окрестности.

Замирая от восхищения, я спустилась по ступенькам. При этом моя рука привычно легла на подол платья, приподняла его, как будто я делала это уже не раз.

Двор замка был вымощен разноцветной плиткой. Несколько дорожек убегали под сень ближайшего сосняка. Солнце стояло почти в зените, но прохладный ветерок спасал от жары.

Агнесса шла за мной так тихо, что сначала я подумала, что девушка предпочла остаться на крыльце. Но обернулась – и убедилась в собственной неправоте.

Пожалуй, самое время завести непринужденный разговор. Полагаю, тут нас точно никто подслушать не сможет.

– Знаешь, Агнесса, я, наверное, веду себя немного необычно, – проговорила я, замедлив шаг и позволив тем самым девушке догнать себя.

Но Агнесса продолжала держаться на почтительном расстоянии. Тогда я просто остановилась и повернулась к ней, вновь постаравшись изобразить на своем лице самую доброжелательную и милую улыбку.

– Целительница Лия предупредила меня и господина, что нам не следует удивляться, – вежливо ответила служанка. – Мол, болезнь была так серьезна, что, скорее всего, некоторое время в вашем поведении будут прослеживаться определенные странности. Но вскоре это пройдет.

– Беда в том, что я забыла некоторые моменты из своей жизни, – осторожно продолжила я, тщательно подбирая слова. – Например, я помню, что Петер мой супруг. Что мы поженились всего неделю назад. Что болезнь настигла меня сразу после брачного ритуала. Но как мы познакомились?

– Вы познакомились на своей свадьбе, – спокойно уведомила меня Агнесса.

Ого! Такого поворота я никак не ожидала.

Подожди-ка. Что-то не складывается у меня в голове картинка. Лия сказала, что отец, кстати, надо бы узнать, как зовут этого подлого родственника, выдал меня замуж насильно. Пытался таким образом поправить финансовые дела. Его резоны я понять могу. Но почему согласился Петер? Как-то странно это. Богатый мужчина лет тридцати с небольшим. Красивый, то есть на отсутствие женского внимания пожаловаться не может. И вот так сразу решил жениться на непонятной девице, которую даже ни разу не видел?

Предположим, отец продемонстрировал ему мой портрет. Но все знают, что художники часто льстят заказчикам. И не думаю, что в этом мире есть фотоаппараты или камеры.

– Вас что-то смущает? – догадливо переспросила Агнесса, когда пауза слишком затянулась.

– Если честно – да, – произнесла я. – Неужели мы до счастливого момента вступления в брак ни разу не встречались?

Агнесса как-то странно хмыкнула. Неловко переступила с ноги на ногу.

– Госпожа Тереза, – после короткого замешательства произнесла она, – позвольте быть с вами откровенной. Дабы вы не питали лишних надежд, так сказать. Барон не любит вас. И вряд ли когда-нибудь полюбит. Ваш брак был вынужденной необходимостью.

Я тяжело вздохнула. Ну вот, начинаются и неприятности, о которых недоговорила Лия. И зачем мне красивый супруг, который не испытывает ко мне никаких чувств? Чтобы я облизывалась на него каждый вечер, но ночи проводила одна в холодной постели?

Но, сдается, теперь я понимаю странную реакцию Петера в тот момент, когда он застал меня в ночной рубахе. Наверняка настоящая Тереза была в курсе всех подводных камней этого замужества. А тут вдруг принялась щеголять в неподобающем виде перед ним, как будто желая обольстить.

– Прости, Агнесса, я действительно ничего не помню, – жалобно сказала я, заметив, что девушка не настроена продолжать. – В голове словно черная дыра. Думаю, между моим отцом и Петером была какая-то договоренность. Верно?

– Господин проиграл в карты вашему отцу, – сухо сообщила мне служанка.

Так, сдается, теперь моя очередь удивленно таращить глаза. Ничего себе поворот! Что я, вещь какая-то, чтобы меня в карты выигрывать? Точнее, наоборот.

Но вообще забавно. Обычно девушек проигрывают в азартных играх. А в моем случае получилось все наоборот. Даже обидно как-то за настоящую Терезу. Молодая, красивая. А в итоге при первом удобном случае всучили богатому мужику, который наверняка всеми правдами и неправдами отбивался от такого «приза».

– Это была шуточная игра на желания, – продолжила Агнесса, воспользовавшись тем, что я была пока не способна говорить. От немого возмущения аж дыхание перехватило. – И ваш отец потребовал, чтобы барон взял вас в жены. Господин сперва пытался воззвать к совести вашего отца. Говорил, что не предполагал настолько серьезного исхода. И вообще считал, что проигравший подарит выигравшему пару бутылок хорошего вина. Но ваш отец был непреклонен. Мол, карточный долг дороже долга совести. И барон был вынужден согласиться. Хотя много лет назад дал слово никогда не жениться вновь.

Вновь?

Я напряглась при этом слове. То есть Петер уже был женат?

– И кем же была его первая жена? – осторожно полюбопытствовала я, мысленно досчитав до десяти и постаравшись, чтобы мой голос прозвучал как можно более спокойно.

– Моей матерью, – сказала, как отрезала, Агнесса.

Тут у меня уже не только глаза на лоб полезли. Хотя они оттуда и не возвращались. Теперь у меня даже рот приоткрылся.

Ничего не понимаю! В принципе Агнесса вполне может быть дочерью Петера. На вид тому лет тридцать пять, а ей около пятнадцати. Юношеская влюбленность, ранний брак, и все дела. Но почему тогда она служанка в его замке? А самое главное – почему он приставил ее ко мне, своей новой супруге? Неужели не понимает, что дочь, мягко говоря, будет от этого не в восторге? Мало какому подростку понравится прислуживать жене отца.

– Я не понимаю, – уже вслух проговорила я. – Если ты дочь барона, то почему трудишься в его замке? Почему он не отправил тебя учиться? И почему ты называешь отца «господином»?

Агнесса печально понурилась. Ее руки, покорно сложенные на переднике, мелко задрожали, как будто от сильного волнения.

– Господин встретил мою мать, когда ему было девятнадцать, а ей всего семнадцать, – негромко призналась она. – Она… она была крестьянкой. Обычной крестьянкой, нанятой в замок в качестве помощницы по хозяйству. Любовь между ними вспыхнула с первого взгляда. Когда Тея, моя мать, поняла, что носит под сердцем дитя, то сразу же во всем призналась. Она боялась, что господин отправит ее к знахарке. Многие травы способны решить подобные проблемы. Но господин поступил иначе. Он женился на ней. Правда, тайком от родителей, поскольку прекрасно понимал, что они никогда не одобрят такого вопиющего мезальянса. Поэтому я не бастард. Я законнорожденный ребенок барона!

Последнюю фразу Агнесса чуть ли не прокричала мне в лицо, с вызовом вздернув подбородок.

Ишь какая экспрессия! Я даже попятилась невольно. А то мало ли, вдруг с кулаками кинется. Сдается, особой симпатии Агнесса ко мне все-таки не питает, несмотря на всю свою демонстративную вежливость и послушание. Впрочем, оно и понятно.

Но девушка тут же утратила весь свой пыл и опять замерла, грустно уставившись себе под ноги.

– Но это не объясняет того, почему ты не называешь барона своим отцом, – въедливо заметила я. – Как-то это… странно.

– Господин так и не решился сообщить своим родителям о браке, – чуть слышно прошептала Агнесса. – Хотел сделать это после рождения ребенка. Надеялся, что вид младенца разжалобит сердце его отца, который всегда славился вспыльчивостью и жесткостью на грани жестокости. Но мать умерла на третий день после родов от горячки. И господин… господин не стал тревожить своими откровениями отца, барона Гейба. Точнее сказать, целители строго запретили волновать старого барона. Он к тому времени слег и совсем не поднимался с постели. А еще через пару месяцев умер. Его жена, баронесса Гессанта, пережила его всего на полгода. Со временем господин признал меня своим ребенком, но о факте брака с моей матерью предпочел умолчать. – Печально усмехнулась, добавив: – И его можно понять. К чему богатому барону, вхожему в лучшие дома Орленда в целом и Мефолда в частности, признаваться в ошибках молодости?

– Тогда откуда ты это знаешь? – не унималась я, силясь связать все ниточки в столь запутанном деле.

– Господин сам рассказал мне об этом, когда мне исполнилось восемь, – сказала Агнесса. – Он очень жалел, что из-за своего высокого положения в свете не может признать меня рожденной в браке. Но пообещал, что не бросит меня на произвол судьбы. Найдет мне выгодную партию и даст неплохое приданое. Он сам выучил меня грамоте и счету.

Я с трудом сдержала так и рвущееся с языка язвительное высказывание.

О да, великое совершение – дать минимальные знания собственному ребенку! И при этом держать в тайне ото всех обстоятельства его рождения. Ладно, я могу понять, почему Петер не захотел ускорять и без того неизбежную смерть родителей рассказом о своем любовном похождении с неожиданным, но закономерным итогом в виде беременности пассии и рождением дочери. Но почему после их похорон все осталось по-прежнему? Чего боялся Петер? Осуждения общества?

Что-то его образ в моих глазах значительно поблек. Неужто мне опять не повезло связаться с мужчиной, красивым внешне, но с гнилью вместо души?

Спасибо, Лия! Удружила так удружила! Встретить бы тебя еще раз да высказать все, что думаю о таком подарке. Хорошего ты мне мужа нашла, ничего не

скажешь. И, подозреваю, это далеко еще не все сюрпризы.

– По-моему, это очень жестоко со стороны Петера, – все-таки не удержалась я.

– Жестоко? – удивленно переспросила Агнесса. – Почему?

– Собственную дочь держать как служанку в замке. – Я неодобрительно покачала головой. – Это выше моего понимания.

– А я не служанка, – с достоинством возразила Агнесса. – Господин обычно проводит в замке лишь лето, когда в Мефолде становится слишком жарко. Все остальное время я считаюсь… ну, наверное, неофициальной хозяйкой. По крайней мере, слуги без проблем и пререканий выполняют мои распоряжения.

– Тогда почему ты… – Я замялась, не договорив фразу до конца.

Как-то неловко спрашивать у Агнессы, почему она прислуживает мне.

– О, вам интересно, почему я помогала вам при пробуждении и при одевании? – Агнесса понятливо усмехнулась. – Не беспокойтесь, это было исключительно мое решение. Мне было очень интересно, кого же господин назвал своей женой. Вот и решила так познакомиться с вами.

– И как я тебе? – не сумела удержаться я от закономерного вопроса.

– Пока сложно сказать, – честно ответила Агнесса. – Наверное, вы еще не совсем оправились от болезни. Потому как иногда я не понимаю ваших поступков. Но не беспокойтесь, никаких гадостей я вам не собираюсь делать. Честно говоря, я знала, что рано или поздно господин женится опять, и внутренне была готова к этому. Увы, невозможно всю жизнь сохранять верность погибшей любви.

Я с уважением посмотрела на Агнессу. Она стояла напротив меня. Такая юная, но не по годам рассудительная. Стоит признать, она удивительно стойко справляется с этой неприятной ситуацией.

«Если только не притворяется умело, – поторопился шепнуть голос разума. – Есть такие девочки-припевочки. В глаза улыбаются и желают всего хорошего, а

за спиной нож острый прячут. Только ослабишь внимание – жди удара».

Утолив на первое время любопытство, я неторопливо отправилась обратно к замку.

Пожалуй, хватит на сегодня свежего воздуха. Теперь надо проверить, а я-то обучена грамоте и счету. Будет весьма досадно, если окажется, что это не так.

А еще я очень хотела встретиться и поговорить на сей раз с Петером.

Если Агнесса права и с его стороны брак был вынужденным, то, возможно, получится договориться о расторжении брака или признании его недействительным? Как-то не хочется жить под одной крышей с человеком, который был вынужден сделать мне предложение после проигрыша в карты. Пусть Петер и нравится мне на внешность, но я себя не на помойке нашла.

Раз развод, два развод… Как бы это не вошло у меня в привычку.

Глава третья

Стоило нам вернуться в замок, как Агнесса куда-то испарилась, виновато шепнув, что ей надлежит проверить дела на кухне. Мол, обед уже скоро.

Я не стала ее останавливать. При слове «обед» в моем животе предательски заурчало. Как есть-то хочется! И ничего удивительного в этом нет, если учесть, что я целую неделю валялась без сознания, пока Лия вытаскивала мою душу из родного мира.

Оставшись одна в просторной гостиной, я сразу же ринулась к книжным шкафам. Выхватила наугад первый попавшийся том и напряженно впилась взглядом в название.

Странные угловатые буквы никак не складывались в одно целое. Я успела огорчиться, но тут в висках что-то резко заломило. Один мучительный спазм, который, впрочем, мгновенно прошел, как будто его и не было. Опять

посмотрела на название и теперь без проблем прочитала его. Оно гласило: «Все о родовых проклятиях и способах их избежать».

Хм-м…

Я поставила книгу на прежнее место и вытянула следующую.

«Основные правила при разговоре с душами предков».

Все любопытственнее и любопытственнее, как говорится.

Третий том, вытянутый мною наугад, был настолько ветхим, что страницы едва не разлетелись по всему полу. Обложка так и грозила расползтись под моими пальцами, а очертания букв лишь угадывались – настолько они оказались стерты.

«Как пересечь грань с миром мертвых и вернуться обратно», – подслеповато прищурившись, с трудом разобрала я.

Что-то мне все это не нравится. Очень сильно не нравится. Интересно, который раз за сегодня меня посещает эта мысль?

Я бережно поставила древний талмуд на прежнее место. Задумчиво почесала переносицу.

Признаюсь честно, меня сильно настораживала тематика библиотеки моего мужа. Какие-то книги все тут… темные. С нехорошим содержанием. Уж не увлекается ли он на досуге некромантией? Если магия в этом мире так же обычна, как электричество в моем, то вполне вероятное предположение.

В этот момент на лестнице раздались шаги, и я торопливо отпрянула от шкафов. Подошла к столику с напитками и с преувеличенным вниманием начала изучать ряд закупоренных бутылок.

– А, Тереза, – поприветствовал меня Петер, стремительно ворвавшись в гостиную. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – честно ответила я, искоса бросив на него изучающий взгляд.

Ничего не скажешь, красавчик все же. Еще бы понять, что кроется за столь привлекательной внешностью.

– Агнесса сказала, что вы немного прогулялись вдвоем, – продолжил Петер. В его голосе при этом прозвучала какая-то неуверенность и робость.

Интересно, а поведала ли ему Агнесса, о чем мы при этом разговаривали?

– День сегодня чудесный, – уклончиво ответила я. – Захотелось немного размяться.

– И ты ни о чем не хочешь меня спросить? – уже с настоящей тревогой поинтересовался Петер.

Угу. Сдается, Агнесса все-таки призналась ему, о чем мы беседовали на прогулке.

Наверное, будь я молодой, неискушенной в жизненных интригах девицей, то немедленно засыпала бы Петера вопросами. Уверена, что мой супруг прежде не распространялся о своем прошлом. Но я лишь наивно захлопала ресницами, глядя в упор на Петера.

Нет, мой дорогой, этот разговор ты начнешь первым. Я не стану тебе помогать. Надо же мне понять, с каким человеком меня связала судьба и прихоть ходящей между мирами.

Петер подошел ближе. По всему было видно, что он очень волнуется. Его пальцы мелко подрагивали, а уголки рта постоянно кривились, как будто он силился подобрать какие-то слова.

Давай, милый, не стесняйся. Вряд ли ты догадываешься, но меня мало чем можно удивить в этой жизни.

Петер все-таки не выдержал нашего молчаливого поединка и отвел глаза. Нервно схватил в руки первую попавшуюся бутылку и ловким, явно привычным

движением выбил пробку ударом по донышку. Хлебнул прямо из горла, не утруждая себя поиском бокала.

– Да, я был женат прежде, – без предупреждения начал он. – И я очень любил Тею. Видит небо, я до сих пор скучаю по ней! Скучаю по ее мелодичному смеху, голубым глазам, улыбке.

– Тем не менее дочери, рожденной от любимой женщины, ты не дал официального статуса, – резонно возразила я.

И тут же испугано прикусила язык.

Ох, Лариса, не забывай, в чьем теле ты сейчас находишься! Слишком сухо и официально все прозвучало.

В светлых глазах Петера промелькнуло недоумение. Но он вновь отпил из бокала и виновато повесил голову.

– Моя вина, – так тихо, что мне пришлось напрячь весь свой слух, прошептал он. – Но, Тереза, на все есть свои причины. Я не сделал этого именно потому, что желаю Агнессе лишь добра.

Как-то странно это прозвучало. Я терпеливо ожидала продолжения, надеясь, что это как-нибудь объяснит непонятную фразу Петера, но он молчал.

Теперь первой сдалась я. Когда пауза затянулась до неприличия, я кашлянула и полюбопытствовала:

– Есть ли еще что-нибудь, что я должна знать о тебе и твоем прошлом?

– Нет, – быстро, даже слишком быстро ответил Петер. – Больше ничего.

Я покосилась на книжные шкафы. Ох, сомневаюсь что-то, что ты откровенен со мной. Ну да ладно, это мы обсудим позже.

– Агнесса сказала, что наш брак был не по любви и не по расчету, – произнесла я. – Тебя вынудили взять меня в жены.

– А разве ты этого не знала? – удивленно спросил Петер, не торопясь ставить бутылку на место.

Я мысленно фыркнула от этой картины. Неужели и этот алкоголик? Будет крайне досадно и обидно сменить одного пьяницу на другого.

– В моей голове все сейчас так перепутано. – Я выдавила измученную улыбку. – Целительница говорила, что кое-что из прошлого я могу забыть.

– Ах да. – Петер кивнул, полностью удовлетворенный моим неловким разъяснением. Пожал плечами и равнодушно подтвердил: – Да, Тереза. Твой отец поймал меня на слове. Я сначала не поверил, что он говорит всерьез. Где это видано: чтобы отец выдавал единственную дочь замуж подобным образом? Но, увы, твой отец, господин Дуглас Трей, был совершенно серьезен. А карточные долги своего рода священны для аристократов.

Я немедленно сделала мысленную пометку. Итак, моего отца зовут Дуглас. А я, стало быть, Тереза Трей. Точнее, носила эту фамилию до замужества.

– Естественно, я был не в восторге от произошедшего, – продолжил Петер. – Да, моя холостяцкая жизнь несколько затянулась. Будь мои родители живы, то они, наверное, уже давным-давно подыскали бы мне выгодную партию. Но их смерть, которая, безусловно, была огромным горем для меня, в то же время даровала мне свободу. В деньгах я не нуждаюсь. Поэтому мечтал о том, что женюсь по большой и взаимной любви, пусть даже на бесприданнице.

– Стало быть, ко мне ты большой и взаимной любви с первого взгляда не испытал, – по-своему истолковала я его слова.

Петер не ответил. Отвернулся от меня к столику с напитками и, видимо, все-таки вспомнив о приличиях, поставил два бокала перед собой. Разлил вино из бутылки, к которой уже не раз приложился, и один из фужеров с вежливым полупоклоном преподнес мне.

Я не стала отказываться, хотя мой несчастливый брак развил во мне настоящее отвращение к алкоголю. Полагаю, это далеко не лучшая идея – пить на голодный желудок. Но один глоток мне точно не повредит и не помешает. Для

улучшения пищеварения, так сказать, как физического, так и умственного. Надо же переварить все факты, которые узнала о своем так внезапно обретенном супруге.

Вино оказалось неожиданно крепким, и я скривилась. Тут же поставила бокал обратно на столик.

Итак, резюмирую. Муж меня не любит. Брак для него был лишь способом не запятнать честь. К тому же у него имеется вполне взрослая дочь. Благо еще, что Агнесса ко мне никакой агрессии не выказывает. Хотя не буду спешить записывать ее в лучшие подруги. В тихом омуте, как говорится, черти водятся. Еще неизвестно, какие сюрпризы меня ожидают от скромной девушки.

Петер, в свою очередь, тоже не торопился осушить бокал. Он баюкал его в раскрытой ладони, о чем-то глубоко задумавшись и уставившись отсутствующим взглядом куда-то поверх моей головы.

– Ну что же, – произнесла я, набравшись смелости. – Не буду скрывать, Петер, решение моего отца оказалось и для меня полнейшей неожиданностью. Связать свою жизнь с человеком, которого прежде никогда не видела… не очень приятно, скажем мягко. Думаю, ты согласишься со мной, поскольку и сам оказался в подобной ситуации. Поэтому я предлагаю тебе… – На этом месте я запнулась от волнения.

И все-таки, есть в этом мире разводы или нет? А то сейчас как ляпну какую-нибудь несусветную глупость.

А, да ладно, мне можно! Если что, то свои странности без проблем свалю на перенесенную тяжелую болезнь.

Н-да, какой-то странный мне подарок Лия сделала. В чем был смысл выдергивать меня из моего мира? Чтобы я развелась и в этом? Эдак у меня это в привычку войдет.

– Я предлагаю нам развестись, – сухо завершила я и вся замерла.

Петер вздрогнул и удивленно посмотрел на меня. В его светлых глазах отчетливо отобразился всполох растерянности.

– Развестись? – переспросил он. – Тереза, по-моему, это будет слишком жестоко по отношению к тебе. Да, я женился на тебе по необходимости. Но в принципе не испытываю к тебе никаких дурных чувств. Ты красивая, молодая. Я не могу позволить, чтобы ты из гордости или обиды на меня загубила свою жизнь.

О чем это он? Почему я должна загубить свою жизнь?

– Или ты всерьез намерена в восемнадцать лет уйти в монастырь? – Петер покачал головой и залпом ополовинил свой бокал.

«Если только в мужской ночным сторожем», – едва не ответила я ему известной шуткой, но в последний момент успела удержаться.

Теперь кое-что становится понятно. Стало быть, разводы в этом мире все-таки существуют. Но после них бывших жен принято отправлять куда подальше. Дабы глаза не мозолили. А если учесть, что речь идет о монастыре, – то и о налаживании личной жизни бедняжкам приходится забыть навсегда.

Омерзительная ситуация!

– А разве это так необходимо? – ляпнула я, аж закипев от внутреннего возмущения.

Петер как-то странно икнул и допил вино. В свою очередь, поставил бокал на стол и внимательно на меня посмотрел.

– Неужели нет альтернативы? – не унималась я, осознав, что поздно отступать.

– Почему же? Есть, – подтвердил воистину загробным тоном Петер. – Но на это я точно пойти не смогу. Это вообще бесчеловечно.

Так, это мне совсем не нравится. Какие еще традиции существуют в столь «замечательном» мире? Сейчас еще окажется, что бывших жен тут дозволено и убивать.

– Да, после болезни ты немного странная, но это не повод заключать тебя в пансионат для умалишенных, – завершил Петер. – К тому же Лия обещала, что вскоре все придет в норму.

Я с невольным облегчением перевела дыхание. Хрен редьки не слаще, но это определенно лучше тех ужасов, что я успела себе навоображать.

И все-таки очень печально понимать, что я угодила в настоящую ловушку. Как-то невесело осознавать, что остаток жизни я буду вынуждена провести рядом с нелюбящим меня мужчиной.

Наверняка к изменам тут относятся еще хуже, чем к разводам. Даже интрижку не завести. Вдруг камнями до смерти забьют.

Эх, молодая, красивая, но без малейших перспектив обрести личное счастье. Несправедливо!

Наверное, мое разочарование от сего факта слишком явственно отразилось на лице, потому что Петер вдруг с сочувствием улыбнулся мне и легонько погладил по плечу.

– Не переживай, – негромко сказал он. – Тереза, честное слово, я буду относиться к тебе со всем возможным уважением. Через пару месяцев я вернусь в столицу. Полагаю, тебе будет лучше остаться здесь. Не хочу надоедать тебе своим присутствием. Тем более и отец твой живет поблизости. Обещаю, что в деньгах ты не будешь нуждаться. В наше время много пар, связавших свои судьбы семейными узами по требованию родителей или по расчету, живут отдельно друг от друга. Не мы первые, не мы последние.

Да, только мне от этого не легче. Стоило ли менять одно одиночество на другое? Муж, стало быть, будет развлекаться в большом городе, ходить на всевозможные званые приемы и светские вечера. А я обречена прозябать в этом захолустье.

Но вслух я ничего не сказала. Лишь покорно склонила голову, показывая, что согласна с решением Петера.

Ничего, у меня впереди целых два месяца. Я буду не я, если не разворошу это сонное болото!

В этот момент по замку пронесся мелодичный перезвон. Петер вздрогнул от неожиданности и как-то странно скривился.

– Кого еще принесло? – пробурчал он. – Я не жду сегодня гостей.

Я обернулась к арке, за которой скрывалась входная дверь. Заметила, как мимо нее величаво прошествовал высокий сухопарый старик в черном строгом камзоле. Ой, в замке имеется и дворецкий, стало быть? В принципе логично. Не самому же барону бегать и открывать двери.

В гостиной повисло напряженное молчание. Петер, как и я, не сводил глаз с арки, покусывая нижнюю губу. На его лице было написано явное неудовольствие, вызванное этим нежданным визитом.

И через неполную минуту в комнату медленно вступил дворецкий. Откашлялся и скрипучим голосом объявил:

– Господин Дуглас Трей явился осведомиться о здоровье своей дочери.

Петер неразборчиво прошипел что-то сквозь зубы. Я не расслышала, что именно, но почему-то не сомневалась – моего так называемого отца вряд ли ждет любезный прием.

Дворецкий отступил в сторону, и в гостиную буквально ворвался полный низенький мужчина лет пятидесяти. Он так шумно и часто дышал, будто преодолел весь путь до замка ну очень быстрым шагом. Глубоко посаженные серые глаза постоянно бегали по сторонам, тонкие губы были загодя растянуты в угодливой улыбке.

И это мой отец? Какое-то он не очень приятное впечатление производит, если честно. Просто удивительно, что у такого колобка родилась настолько красивая и статная дочь.

– Фух, ну и жарища сегодня, – первым делом выдохнул Дуглас. Стащил с себя шляпу с мягкими полями и промокнул носовым платком глянцево блестящую от пота лысину. – Весь взмок, пока до вашего замка дошел.

– Добрый день, господин Трей, – ледяным голосом поприветствовал его Петер. С едва заметной усмешкой поинтересовался: – Неужели вы прибыли на своих двоих? Помнится, в вашем доме был прекрасный конюх. Он мог бы запрячь для вас карету.

Ага. И еще одна деталь пополнила мой мысленный блокнот заметок и узнанных фактов. Стало быть, Петер в курсе тайного романа своей молодой жены. Ишь какой злой сарказм прозвучал в его последних фразах.

– А, пустяки! – ни капли не смутившись, отозвался Дуглас. – Целитель давно рекомендовал мне побольше гулять. Мол, для сердца полезно. Да и вес не мешало бы скинуть.

Затем его взгляд остановился на мне, и мужчина издал воистину звериный рык. Такой, что мое сердце ухнуло в пятки. Ой, чегой-то он так завопил? Как будто его оса в мягкое место ужалила.

А еще через секунду я оказалась в крепких объятиях Дугласа.

– Дочерь моя! – выл он, вцепившись в меня с такой силой, что аж ребра затрещали. – Ты уже на ногах! Ты жива! О, какое счастье!

Я сосредоточенно запыхтела, силясь высвободиться. Понимаю, что передо мной вроде как мой отец. Но для меня-то он все равно является совершенно чужим человеком. К тому же от Дугласа резко и неприятно пахло потом. Но тот, словно не чувствуя моих попыток, сжимал меня все с большим рвением.

– Со мной все в порядке, – сдавшись, сипло проговорила я. Замялась, но все-таки добавила: – Папа.

– О, как же я рад! – не унимался Дуглас, не думая отпускать меня и продолжая тискать. – Я отправлю щедрое пожертвование в храм богини жизни! Всю неделю я молился за твое здоровье!

Я с трудом терпела его завывания прямо на ухо. Эдак и оглохнуть недолго. К тому же чудилась мне фальшь в чувствах Дугласа. Как будто он неумело играл на публику, преувеличивая свои эмоции многократно.

– Теперь понятно, чем вы были так заняты, что ни разу не навестили за это время дочь, – насмешливо проговорил Петер.

Дуглас наконец-то отстранился, и я с нескрываемым облегчением перевела дыхание. На всякий случай шустро перебежала поближе к Петеру. Теперь меня отделял от отца стол с напитками. Надеюсь, это будет достаточным препятствием, если он вдруг вздумает вновь продемонстрировать отеческие чувства.

– О, вино! – Дуглас увидел открытую бутылку и плотоядно облизнулся, проигнорировав замечание Петера. – Надеюсь, барон, вы не будете против, если я промочу горло.

И тут же, не дожидаясь его ответа, налил себе полный бокал.

Петер вновь кисло скривился, даже не пытаясь скрыть неодобрения от столь бесцеремонного поступка незваного гостя.

– Ну что вы, не стесняйтесь, – ядовито произнес он. – Чувствуйте себя как дома.

Дуглас одним махом опрокинул в себя бокал, тут же налил еще и бухнулся на диван.

– Ноги гудят от прогулки, – пожаловался он, вытягивая запыленные сапоги перед собой. – Но я был бы не я, если бы не навестил свою дочурку.

– Поразительно, – негромко протянула я. – Я всего несколько часов как пришла в себя. Воистину, любящее сердце родителя способно на многое.

И многозначительно посмотрела на Петера.

Надеюсь, он поймет, что я хотела сказать на самом деле. Откуда мой отец узнал, что со мной все в порядке? Да еще так быстро. Уж нет ли в замке птички,

которая поет ему обо всем происходящем здесь?

Тонкая морщинка разломила переносицу Петера, доказывая, что он тоже задался этим вопросом.

– О, ты права, Тереза, – ни капли не смутившись, рассмеялся Дуглас. – Я как проснулся – сразу понял, что должен навестить тебя. Как будто кто-то подсказал мне сверху, что моя любимая дочурка очнулась и скучает по своему папочке.

От сюсюкающего тона Дугласа меня передернуло. Нет, сердцем чувствую, этот мужчина – тот еще лжец и прохиндей. Любимых дочерей не разыгрывают в карты.

Морщина на переносице Петера стала глубже. Он недовольно покачал головой, но лишь вежливо произнес:

– Я осведомлюсь, как обстоят дела с обедом. Полагаю, вы, господин Трей, желаете пообщаться с дочерью наедине.

– Петер, я же просил вас называть меня просто по имени, – тут же отозвался Дуглас. – И вообще, почему бы нам не перейти на «ты»? Мы ведь отныне близкие родственники.

Петер скрипнул зубами так отчетливо, что это услышала даже я.

– Кстати, я с удовольствием присоединюсь к вам на обеде, – продолжил Дуглас и нагло оскалился. – По-моему, семейные трапезы – это замечательно! Мой дом опустел после ухода Терезы. Эх, кто бы знал, как мне теперь грустно и печально одинокими вечерами. – И тут же без паузы заявил: – Надеюсь, Петер, ты не против, если я почаще буду навещать ее здесь. Мне не тяжело, да и ей веселее будет.

Петер мученически возвел глаза к потолку, но промолчал и на сей раз. Видимо, вежливость не позволила ему сразу же осадить обнаглевшего тестя. Ну ничего. Я ему помогу.

– Не думаю, что это уместно, папа, – негромко, но с нажимом произнесла я. – Прости, но мне будут в тягость твои визиты.

Петер, уже отправившийся прочь из гостиной, от удивления споткнулся и обернулся ко мне. Дуглас, который как раз делал новый глоток вина, подавился и закашлялся.

– Почему? – наконец с трудом выдавил он, вытер уже знакомым носовым платком свой рот и аккуратно поставил бокал на стол перед собой.

– Мне очень жаль, что ты чувствуешь себя одиноко и покинуто. – Я пожала плечами. – Но, пойми, мы с Петером создали семью. И мы хотим как можно больше времени проводить наедине друг с другом. До свадьбы мы не были знакомы. И теперь самое время исправить это досадное упущение. – Мило улыбнулась и добавила, глядя на Петера, который изумленно взирал на меня: – Я так хочу быть хорошей женой! Так хочу во всем угождать своему возлюбленному супругу. – И уже холоднее завершила, переведя взгляд на растерянного отца: – Боюсь, ты будешь третьим лишним.

Дуглас открыл было рот, желая сказать что-нибудь в ответ. Да так и замер, не в силах сформулировать мысли.

– Да, обед, узнаю про него, – повторил Петер и быстро покинул гостиную.

В этот же момент Дуглас рывком поднялся со своего места. Со скоростью, которую тяжело было ожидать от столь грузного мужчины, подскочил ко мне и пребольно схватил за плечи.

– Это что за дела, Тереза? – хрипло спросил он, хорошенько встряхнув при этом. – Ты что творишь? Забыла, что ли, наш уговор?

У нас был какой-то уговор? Любопытно.

Дуглас еще сильнее сомкнул пальцы, и у меня кулаки зачесались как следует врезать ему по противной лоснящейся морде.

Эх, досада, что нельзя этого сделать! Какая жалость, что именно он считается моим отцом.

– Ты делаешь мне больно, – фыркнула я, из последних сил удерживая себя от такого понятного желания дать пощечину. – Прекрати! Синяки останутся!

– И хорошо, что останутся, – буркнул Дуглас, не думая ослаблять свою хватку. – Будешь знать, как на отца огрызаться.

– Да, но как ты объяснишь это Петеру? – парировала я. – Вряд ли он будет доволен, заметив подобные «украшения» у своей жены.

Дуглас резко отпустил меня. Но не отошел, продолжая стоять вплотную ко мне.

– Учти, Тереза, ты зависишь от меня, – прорычал он мне в лицо. – Думаешь, я не достану тебя теперь? Да как бы не так! Стоит мне только рассказать Петеру о твоих шашнях с конюхом, как ты немедленно отправишься в монастырь или куда подальше. Не говорю уж про твою маленькую тайну, за которую ты вполне можешь угодить на костер.

Это о какой он тайне сейчас говорит? Рискну предположить, что о моих магических способностях. По крайней мере, в нашем мире женщин в Средневековье сжигали заживо именно по обвинениям в занятиях колдовством.

Но та же Лия, к примеру, пользуется уважением среди окружающих. Какое-то несоответствие получается.

Хотя… Лия называет себя целительницей. Возможно, этим видом магии женщинам дозволено заниматься. Жаль, что пока не было времени на эксперименты. Надо бы выяснить в ближайшее время, какая у меня, выражаясь научным языком, специализация.

– Уяснила? – грозно спросил Дуглас.

Я покорно кивнула. Пока не стоит лезть на рожон. Мне надо больше информации, прежде чем я разверну полномасштабные боевые действия. Так что вернемся к роли бедной запуганной девочки, которую силком выдали замуж

за нелюбимого.

– То-то же! – победоносно воскликнул Дуглас. Вернулся к дивану и опять бухнулся на него, правда, бокал так и оставил на столе. Сухо поинтересовался: – Так как наше дело? Какие у тебя успехи?

Еще бы мне знать, о чем вообще речь.

– Папа, я только несколько часов как очнулась, – проговорила я, решив воспользоваться привычным объяснением. – И, если честно, в голове у меня какой-то сумбур. Целительница сказала, что у меня вероятны провалы в памяти. – Подумала немного и виновато призналась: – Прости, я не понимаю тебя. Дни перед свадьбой словно в тумане.

Дуглас нахмурился, внимательно глядя на меня. Словно прикидывал: правду ли я говорю или обманываю. А я усердно удерживала на лице выражение искреннего раскаяния и усердно хлопала ресницами.

– Я поговорю с Лией, – наконец сухо произнес он. – Проверю твои слова. И если ты меня обманываешь… О, Тереза, ты даже не представляешь, что тебя тогда ждет!

Н-да, отец называется. Угрозами так и сыплет. Ничего удивительного в том, что его дочь так отчаянно пыталась сбежать из дома, а когда это не получилось – возжелала умереть.

– В таком случае напомню тебе, что ты должна отыскать в доме этого хлыща карту, – произнес Дуглас.

Теперь он говорил так тихо, что мне пришлось подойти ближе. Нельзя пропустить и слова. Надо же мне понять, что происходит.

– Карту? – переспросила я, когда мой якобы отец надолго замолчал.

– Правда, что ли, позабыла все? – Дуглас недовольно покачал головой. – Я же тебе все подробно объяснил. Старик Гейб, отец Петера, всю свою жизнь собирал драгоценные камни и всякие побрякушки. Страсть у него такая была. Говорят,

его коллекция была самой крупной и самой ценной во всей стране. Правда, вот беда, он никогда и никому ее не показывал. Спрятал в какой-то потайной комнате в замке. Но перед смертью отдал Петеру карту, где отмечено место нахождения коллекции. И ты должна ее найти!

Ух ты, как все интересно поворачивается! Теперь я еще должна и кладоискательницей стать.

Любопытно, и как Дуглас это представляет? Пытать мне, что ли, Петера? Или по ночам в одиночку обшарить весь замок, начиная с подвала, наверняка очень жуткого и темного, и заканчивая чердаком? Кстати, а есть ли в замках чердаки? Никогда прежде не размышляла на этот счет.

Но напрашивается еще один вопрос. Самый простой и логичный.

– А почему ты думаешь, что сам Петер уже не обнаружил этот клад и не перепрятал его? – задала я его. – Его отец умер много лет назад. У Петера была уйма времени, чтобы забрать себе коллекцию.

– Нет. – Отец зло дернул головой. – Я уверен, что камни еще в замке. По слухам, карта была зашифрованной, а код старик барон то ли забыл сообщить сыну, то ли не успел, то ли не захотел из-за природной вредности характера. Говорят, к старости он стал просто невыносимым. Если бы этот дурак Петер обнаружил клад, то, поверь, стал бы самым богатым человеком в Орленде.

– А разве это не так? – осторожно осведомилась я, мысленно сделав пометку, что мой отец, как оказалось из разговора, весьма недолюбливает зятя. Иначе не называл бы его дураком.

– Петер в деньгах не нуждается, но состоятельным его назвать никак нельзя. – Отец скептически хмыкнул. – Я уже давно навел о нем справки. Он ведет более чем скромное существование. В Мефолде у него небольшой дом с минимумом прислуги. На званые приемы он ходит исключительно редко, когда нет никакой возможности от них отказаться. Да что там, даже этот фамильный замок требует серьезного ремонта. Крышу каждое лето по мере сил латают, но она все равно течет нещадно. Поэтому, моя любимая дочерь, Петер совершенно точно пока не знает, где находится коллекция.

Я задумчиво потерла кончик носа.

Итак, кое-что начинает проясняться.

Мой так называемый батюшка, оказывается, имел весьма грандиозные планы, когда выдавал меня замуж. Таким образом он запустил в замок барона своеобразного шпиона, должного выяснить и обнаружить настоящий клад.

Ух, прям как в детективе себя почувствовала!

Одно непонятно: с какой стати отец уверен, что мне будет под силу расшифровать карту, раз даже Петеру это не удалось за столько лет?

– Папа, прости, но я все равно не понимаю. – Я обескураженно всплеснула руками, стараясь говорить как можно более искренне. – Но как ты предлагаешь мне найти карту? А самое главное: что с ней делать, если даже мне повезет ее обнаружить?

– Совсем умом двинулась, что ли? – Дуглас Трей выразительно покрутил указательным пальцем у виска. – Мы уже сотню раз это обсуждали.

Да хоть тысячу! Я меньше суток в этом теле нахожусь. Правда, признаваться в этом точно не стоит.

– Папа, я уже сказала тебе, что у меня проблемы с памятью, – как можно более жалобно протянула я. – Я…

– Ох, чует моя печень, врешь ты, – не дал мне договорить отец. – Но учти, если это действительно так – то лучше прекращай прямо сейчас! Если Лия не подтвердит твои слова, то я тебе устрою «веселенькую» жизнь!

Я молча проглотила эти угрозы, продолжая виновато глядеть на Дугласа и усердно хлопать ресницами.

Тот несколько минут пристально смотрел на меня. Затем скривился и от души плюнул прямо на ковер.

Я немедленно вскипела от возмущения, но приложила все мыслимые и немыслимые усилия, дабы и тень недовольства не промелькнула на лице.

И все-таки это самое настоящее безобразие. Понимаю, не любишь ты новоявленного зятя. Но зачем в доме-то его свинячить?

– Карта наверняка в спальне Петера, – проговорил отец и потянулся к забытому было на столе бокалу с вином. Сделал хороший глоток, почти осушив его, и продолжил медленно и внятно, словно старался каждое слово вбить мне в голову: – Проберись туда. Не думаю, что у тебя возникнут с этим проблемы. Девка ты симпатичная и ладная, а у барона давно женщин не было. По крайней мере, в замке с ним никто не делит постель, мои источники в этом уверены. А он тут гостит уже пару месяцев. Любой нормальный мужик на его месте уже на стену полезет от недостатка секса.

Я покрепче сжала зубы, пережидая очередной всплеск раздражения.

Стоит заметить, Дуглас Трей не церемонится в выражениях при общении с дочерью. Лично я представить не могу, чтобы мой родной отец начал бы со мной так разговаривать. Он, конечно, не аристократ, но тема моей личной жизни с Вадимом всегда была своеобразным табу при наших беседах. Да что там, я и с матерью ее не обсуждала никогда.

– Короче, что мне тебя учить? – Дуглас пожал плечами. – С конюхом ты только так кувыркалась. Благо еще, что Лия согласилась тебе девственность восстановить. Хоть и пришлось за это немало ей заплатить. Как Петер уснет – перешарь его бумаги. Отыщешь карту – приступай к тому, что умеешь лучше всего.

И что же это? Даже как-то боязно спрашивать. Потому что чем больше я узнаю про настоящую Терезу – тем сильнее она мне не нравится.

Но продолжить столь увлекательный диалог мне не удалось. В этот момент из холла послышались чьи-то быстрые шаги, и Дуглас сделал зверское лицо, а заодно и пригрозил мне кулаком, недвусмысленно приказывая заткнуться.

И вовремя! Через пару секунд в гостиную торопливо ворвалась Агнесса. Увидев Дугласа, остановилась и вежливо поклонилась.

– Барон Теоль просил пригласить вас к столу, – проговорила она.

Ее голос прозвучал очень ровно, но мне все равно почудилось в нем скрытое неудовольствие. Сдается, девушка весьма недолюбливает моего отца.

Впрочем, что в этом удивительного? Теперь и я его недолюбливаю. Жаль, очень жаль, что родственников не выбирают. Особенно в моем случае.

Глава четвертая

Сказать, что за обедом царила напряженная обстановка, – значит не сказать ничего. Только Дуглас, которого я почти привыкла называть мысленно «отцом», безуспешно пытался разрядить атмосферу. Правда, получалось у него это хуже некуда. Петер то и дело страдальчески морщился при очередной сальной шуточке тестя. Я же сосредоточенно ковырялась в предложенных блюдах, стараясь упорядочить в голове все узнанное сегодня.

Теперь мне было понятно, почему Дуглас выбрал столь оригинальный способ, чтобы выдать замуж единственную дочь. Еще я была почти уверена в том, что у него имеется в замке осведомитель, немедленно докладывающий про все происходящее. Вычислить бы, кто эта «крыса».

Я украдкой посмотрела на Агнессу, которую тоже пригласили за стол. Правда, девушка предпочла занять место поодаль от остальных, словно показывая, что все-таки не принадлежит к нашему кругу. Но почти сразу отказалась от этой мысли. Нет, бред какой-то! Агнесса – дочь Петера. С чего ей играть против собственного отца?

«Дочь-то она дочь, – немедленно зашептал противный внутренний голосок. – Но не стоит забывать, что, по сути, Петер ее не признал. Точнее, признал, но сделал это более чем оригинально. Мол, любимая дочурка, ты была рождена в браке, однако остальным об этом знать не обязательно. Поэтому будешь присматривать за порядком в замке, пока я развлекаюсь в столице. И скажи спасибо, что грамоте и счету выучил. Разве это достойное отношение к единственному ребенку? Что, если Агнесса решила взять своеобразный реванш?

Дуглас вполне мог пообещать ей выделить некоторую часть от клада. А богатая девушка всегда найдет себе выгодную партию, пусть даже происхождение у нее более чем сомнительное».

Я покачала головой. Нет, все равно не сходится. Агнесса большую часть года живет в этом замке на правах хозяйки. Если она в доле с моим отцом, то он бы давным-давно получил вожделенную карту.

Надо бы узнать, сколько у Петера вообще слуг. Дворецкого я видела. За столом, правда, прислуживал нам не он, а молодой парень лет двадцати – симпатичный кареглазый блондин.

Уже двое возможных кандидатов на роль так называемых шпионов.

– Дорогая, ты сегодня непривычно молчалива, – вдруг обратился ко мне Дуглас, осушив еще один бокал вина.

О небо, сколько же в него алкоголя влезает? По самым скромным прикидкам, в нем никак не меньше бутылки уже плещется. Но язык не заплетается, а взгляд остается цепким и внимательным. Правда, Дуглас то и дело промокал лысину платком, а по его обвисшим щекам пятнами пошел некрасивый румянец.

– Просто не узнаю свою дочь, – продолжал разглагольствовать Дуглас, пока предупредительный слуга наливал ему еще. – Обычно ты у меня та еще болтушка.

– Полагаю, ваша дочь не совсем оправилась после болезни, – пришел ко мне на выручку Петер, пока я судорожно думала, что бы соврать в свое оправдание.

– Эх, хиленькая в наше время молодежь пошла. – Дуглас неприятно гоготнул. – Чуть что – девицы сразу в обморок падают. Вот, помнится, моя матушка кремень была. Лично курицам головы рубила, никому из слуг не доверяла.

Я хмуро посмотрела на тарелку с недоеденным жарким и отодвинула ее в сторону. Сдается, я уже сыта. Уж больно неаппетитную тему затронул Дуглас.

– Сомнительное достоинство для женщины. – Петер неодобрительно покачал головой и тоже отложил в сторону столовые приборы.

– Напротив! – с воодушевлением воскликнул Дуглас. – Не подумайте, конечно, что она была какой-нибудь живодеркой и получала удовольствие от этого процесса. Она делала это для того, чтобы спасти несчастных птиц от лишних мучений. Дело в том, что у нее был такой огромный опыт, что курицы даже не успевали почувствовать боль. Хлоп – и головы уже нет!

И Дуглас громогласно рассмеялся, как будто рассказал на редкость смешную шутку.

Петер старался держать свои эмоции под контролем. Но он все-таки не вытерпел и выразительно скривился. Затем украдкой покосился на меня.

Представляю, что он обо мне сейчас подумал. Как там у нас говорят? От осинки не родятся апельсинки. То бишь если моя бабушка была садисткой, обожающей мучить и убивать животных, то не передались ли мне ее склонности по наследству?

– Никакой опыт не приходит сразу, – негромко, словно беседуя сама с собой, проговорила я. – Полагаю, ей пришлось немало потрудиться, чтобы обрести такие умения.

– Ага, – радостно подтвердил Дуглас, не уловив двойного дна в моих словах.

Я украдкой хмыкнула. Что и требовалось доказать. То бишь моя бабка все-таки получала удовольствие от всего этого. Иначе с чего вдруг ей пришла в голову столь дикая идея?

– О вашей матери вообще много говорят в округе, – с какой-то странной интонацией произнес Петер и вновь бросил на меня быстрый взгляд.

– Ага, – опять подтвердил Дуглас. Немного помрачнел и добавил: – Жаль, что я ее почти не помню. Она умерла, когда мне было всего пять лет.

– Умерла? – с непонятным сарказмом переспросил Петер. – Мне рассказывали, ее убили. Причем сделали это собственные слуги.

Я невольно потянулась к бокалу, к которому не прикоснулась с начала обеда. Промочила губы, стремясь успокоить нервы.

Чем дальше – тем страшнее. Что-то мне ну очень не нравится семейная история Терезы Трей.

Дуглас надулся, как будто слова Петера его чем-то обидели. С вызовом вздернул подбородок и отчеканил, глядя в глаза зятю:

– Да, убили. Но негодяи, сделавшие это, были наказаны со всей строгостью закона!

– Я в курсе, – сухо подтвердил Петер. – Но, знаете, меня все гложет мысль: какие причины были у этого преступления? Все-таки, согласитесь, это очень необычно. Так жестоко расправиться с женщиной…

– Мне неприятна эта тема, – отрезал Дуглас. – Не забывайте, что говорите о моей матери. Пусть я ее почти и не помню, но все же.

Я отпила еще вина.

Так. Так-так-так. Чувства Дугласа мне вполне понятны. Но действительно, к чему Петер вообще завел этот разговор? Право слово, не самая подходящая тема для беседы за столом. И почему при этом он постоянно смотрит на меня, как будто все это имеет какое-то отношение ко мне?

Впрочем, столь невежливое напоминание Петера о давней семейной драме возымело свое действие. Дуглас наконец-то замолчал. Лишь изредка он обиженно вздыхал и основательно налег на выпивку.

Стоит ли удивляться тому обстоятельству, что к моменту завершения трапезы мой отец окончательно осоловел. Когда он встал из-за стола, его так опасно повело в сторону, что ему пришлось схватиться за спинку стула, лишь бы не упасть.

– Ох, перебрал я малость, – буркнул он, по всей видимости, не испытывая по этому поводу ни малейшего стеснения.

Петер насмешливо вздернул бровь, но удержался от каких-либо замечаний.

– Пройдемте в гостиную, – вместо этого любезно предложил он.

Я украдкой вздохнула. Надеюсь, Дугласу хватит такта, и он не будет засиживаться. Надо же понимать, что его визит, мягко говоря, оказался некстати.

Но моим чаяниям было не суждено сбыться. В гостиной мой отец первым делом бухнулся на диван и нагло повелел, повелительно прищелкнув пальцами:

– Еще вина!

Петер дернул щекой, как будто сгонял невидимого комара. По всему было видно, что он мечтает как можно скорее избавиться от навязчивого и незваного гостя. Но воспитание не позволяло ему прямо указать отцу молодой супруги на дверь.

Ну что же, пора прийти на помощь ненаглядному муженьку.

– Папа, по-моему, тебе достаточно, – прямо сказала я. – Ты и без того едва на ногах стоишь.

Дуглас изумленно моргнул и уставился на меня так, как будто впервые увидел.

Ага, сдается, что Тереза никогда не позволяла себе критических замечаний в адрес отца. Пора менять эту порочную практику!

– Не забывай, что тебе еще домой идти, – продолжила я совершенно спокойно. – Свалишься где-нибудь. Сейчас, конечно, не зима, не замерзнешь. Но все равно – приятного мало.

– Домой идти? – как-то растерянно переспросил отец.

– Естественно. – Я позволила себе короткую улыбку. Язвительно поинтересовалась: – Или ты планировал заночевать здесь?

Судя по тому, как Дуглас при этом нахмурился, именно это он и собирался сделать. Ну уж нет, обойдется! Еще пару часов в обществе столь неприятного типа я просто не выдержу.

– Если честно… – начал было он.

– Папочка, прогулка на свежем воздухе пойдет тебе на пользу, – не дала я ему договорить, догадываясь, какая от него последует просьба. С нажимом добавила: – Да ты и сам должен понимать, что так будет лучше всего.

– Почему? – как-то робко поинтересовался Дуглас, должно быть, растерявшись от такого напора от прежде безропотной дочери.

Вместо ответа я многозначительно улыбнулась. Скользнула к Петеру, который стоял чуть поодаль и отстраненно взирал на эту сцену. Прильнула к нему.

Стоит отдать должное моему мужу. Он не ожидал от меня такого поступка. Даже вздрогнул, но в сторону не шарахнулся. Напротив, решил мне подыграть, в свою очередь, положив руку на мою талию.

В душе что-то сладко дрогнуло от невинного, в сущности, прикосновения. Эх, как давно меня не обнимал мужчина! Тем более красивый и статный. Пьяные приставания Вадима, конечно, не в счет. Тогда я мечтала, чтобы он как можно быстрее угомонился и улегся спать, оставив меня в покое.

– Это же очевидно, – мурлыкнула я, глядя влюбленным взглядом снизу вверх на Петера. – С нашей свадьбы миновала всего неделя. И, увы, большую часть этого времени я прометалась в забытьи. Я хочу побыть вместе с мужем. – После чего посмотрела на отца и строго отчеканила: – Не порть нам романтический вечер!

От удивления Дуглас, по-моему, протрезвел. По крайней мере, когда он встал, его больше не мотало из стороны в сторону.

– Ах да, – пробормотал он. – Я понимаю.

И покорно отправился к выходу.

Правда, на пороге все-таки не удержался, обернулся и со скабрезным хохотком пожелал:

– Бессонной вам ночи, дорогие мои! Поразвлекайтесь всласть.

Рука Петера, которую он по-прежнему держал на моей талии, ощутимо потяжелела. Но он предпочел не отреагировать на столь неприличное пожелание тестя.

Да, стоит признать, выдержка у моего супруга железная.

Петер продолжал меня обнимать все то время, пока из холла не раздался мелодичный перезвон входных чар, доказывающий, что мой отец действительно ушел, а не заблудился где-нибудь по дороге. Но после этого он тут же опустил руку и аж отпрыгнул от меня на пару шагов.

Я невольно почувствовала себя оскорбленной. И чего так шарахаться, спрашивается? Или боится, что я немедля накинусь на него с поцелуями и обесчещу?

– Большое спасибо, Тереза, – поблагодарил меня Петер. На его губах затеплилась слабая усмешка, и он добавил: – Честно говоря, я не ожидал, что ты так решительно выпроводишь отца.

«На редкость омерзительный тип», – едва не брякнула я, но в последний момент мудро прикусила язык.

Нет, таких откровений мой супруг точно не поймет.

– Мой отец бывает просто невыносим, когда переберет алкоголя, – вместо этого сказала я извиняющимся тоном. – Прошу простить его.

– У всех людей есть свои слабости, – уклончиво отозвался Петер. Вздохнул и проговорил, глядя куда-то поверх моей головы: – Извини, Тереза, но я хотел бы поработать в своем кабинете. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я покину

тебя на время.

– Да-да, конечно. – Я так старательно удерживала на губах милую улыбку, что у меня заныли щеки.

Петер открыл было рот, собираясь еще что-то добавить. Но в последний момент передумал. Развернулся и покинул гостиную. Я осталась в долгожданном одиночестве. Бухнулась в кресло и горестно подперла подбородок кулаком.

Н-да, ну и дела. Просто с корабля на бал, как говорится. Подкинула мне Лия проблем ворох и маленькую тележку.

Разговор с Дугласом кое-что прояснил в происходящем, но в то же время добавил немало новых вопросов. Например, вся эта история с усопшим бароном Гейбом Теолем и его сокровищем. Печенью чую, так называемый отец не отстанет от меня, пока я не отыщу эту проклятую карту. К тому же мне очень не нравились его туманные намеки на то, что при необходимости он доставит мне немало проблем. Уверена, Дугласу хватит подлости для того, чтобы испортить жизнь единственной дочери. Особых родственных чувств я в нем не заметила.

И все-таки, что же настоящая Тереза умеет делать лучше всего? Это было сказано не в контексте соблазнения Петера. Может быть, у бывшей хозяйки этого тела какие-нибудь особые умения в расшифровке старинных документов?

Пока не попробуешь – не узнаешь.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь. Этот звук сначала прошел мимо моего внимания, но потом я услышала быстро приближающиеся шаги.

Сама не понимаю, что сподвигло меня на следующий поступок. Но внезапно даже для себя я соскочила с кресла и кинулась к гардинам. Спряталась за плотной тканью, завернувшись в нее целиком. И только потом осознала, насколько глупо буду выглядеть, если меня вдруг обнаружат.

Интересно, что за муха меня укусила? А, да ладно. Если что – скажу, что у меня временно помутился рассудок. Тем более покидать укрытие было уже поздно. В гостиную кто-то вошел. И, судя по всему, не один.

– Наконец-то этот мерзкий Дуглас ушел. – Я без проблем узнала Агнессу. – Терпеть его не могу! Каждый раз, когда мы остаемся наедине, так и норовит меня покровительственно похлопать. Причем не по плечу, а гораздо ниже.

– Почему ты не пожалуешься отцу? – раздался незнакомый мужской голос. – Он бы давно его урезонил.

Сгорая от любопытства, я осмелилась чуть раздвинуть гардины и бросить быстрый взгляд на происходящее, после чего вновь спряталась.

Спутником девушки оказался тот самый слуга, который прислуживал нам за обедом. Правда, сейчас он держался на порядок увереннее. Даже взял в руки недопитый бокал, оставленный моим отцом, и собирался приложиться к нему.

Занимательно. Хотя в принципе ничего совсем уж поразительного в этом нет. Парень симпатичный и молодой, а Агнесса большую часть года живет без всякого контроля со стороны, тем более как раз в том возрасте, когда так легко влюбиться. Не удивлюсь, если эту парочку связывают романтические отношения.

– Отец… – Я не видела сейчас Агнессу, но не сомневалась, что она морщится – такое нескрываемое презрение звучало в ее тоне. – Я предпочитаю не вмешивать отца в свои дела. Еще чего доброго он решит, будто меня опасно оставлять в замке, если рядом такой противный сосед. С него станется забрать меня в Мефолд. Ты сам понимаешь, что это будет более чем некстати.

Некстати?

Я мысленно хмыкнула. Почему это? Я думала, Агнесса наоборот спит и видит, как бы выбраться из этого захолустья. Точнее говоря, любая девица мечтала бы поменять скуку одиноких дней в провинции на блеск и развлечения большого города.

– Скорей бы твой отец уехал, – подтвердил блондин. – Пока он здесь – мы не можем продолжать.

Что именно продолжать? Сдается, речь идет не о поцелуях украдкой и торопливых объятиях в укромных уголках.

– Сама дни считаю, – отозвалась с досадой Агнесса. – Еще эта женитьба. Как же некстати! Отец сообщил мне, что намерен оставить Терезу здесь.

– Здесь? – воскликнул блондин. Агнесса шикнула на него, и тот, опомнившись, продолжил уже тише: – Нет, этого нельзя допустить! Ни в коем случае! Новая пассия твоего отца, конечно, выглядит наивной дурочкой. Но она будет мешаться нам под ногами.

– Я сама не в восторге от этого, – хмуро произнесла Агнесса. – Тем более если Тереза тут останется, то и Дуглас зачастит с визитами. А он проныра тот еще. Глазами так и рыщет. Уверена, что он и дочурку-то выдал замуж, лишь бы подобраться к замку. Наверняка прослышал про сокровище старика Гейба.

Ага.

Я невольно кивнула, довольная, что мое предположение оказалось верным. Не только в запретной любви между слугой и дочкой хозяина замка тут дело. Малышка Агнесса тоже настроилась на поиск легендарных драгоценностей.

Правда, получается, что мой отец ошибался. Карты нет в кабинете Петера. Иначе Агнесса ее бы уже обнаружила.

– Вообще, я считаю, что Дуглас провернул всю эту историю с женитьбой специально, – задумчиво продолжила тем временем девушка, и я мгновенно выгнала все посторонние мысли из головы, страшась пропустить хоть слово из столь интересного разговора.

– А разве у тебя были в этом сомнения? – Блондин неприятно хохотнул. – Конечно, специально. По округе ходят слухи, что Дугласа вот-вот признают банкротом. Если он не закроет хотя бы часть долгов в ближайшее время, то окажется разорен. Надеется, поди, что твой отец выделит ему крупную сумму денег. Надо же поддержать нового родственника в тяжелой жизненной ситуации.

– Или же что его дочурка применит свои женские чары и выведает у Петера местонахождение сокровищ Гейба, – произнесла Агнесса. – Но в таком случае его ждет большое разочарование. Карту-то найти не проблема. Отец ее совсем не прячет. На самом видном месте у него в кабинете лежит. Да и не забирает он

ее с собой в Мефолд. Недаром нам так легко удалось перерисовать ее.

Угу. Стало быть, я ошибалась. Карта у Агнессы уже есть. Точнее, ее дубликат, но это не меняет сути. Тогда что отделяет девушку от богатства? Да за прошедшую зиму она сто раз могла все провернуть и смыться подальше, пока ее отец наслаждался жизнью в столице.

– Нам бы только разгадать шифр, – с тяжелым вздохом завершила девушка, не подозревая, что тем самым отвечает на мои вопросы, незаданные вслух по вполне очевидным причинам.

– А ты уверена, что твой отец его не знает? – спросил блондин.

– Абсолютно, – с нескрываемой досадой ответила Агнесса. – Иначе, поверь, он бы не ругался так отчаянно каждый раз, когда приходит пора оплачивать очередной счет. Нет, мой дорогой Вейн. Финансовое положение моего отца оставляет желать лучшего. Старик Гейб сыграл с единственным сыном злую шутку, не дав даже намека на разгадку шифра.

– Н-да, проблема, – сочувственно отозвался блондин. – Карта есть, но мы не имеем ни малейшего понятия, как ее использовать.

В гостиной после этого повисла пауза. Я застыла, боясь даже вздохнуть лишний раз. Гардина, за которой я пряталась, оказалась на редкость пыльной, и у меня в носу опасно щекотало. Хоть бы не расчихаться! Это будет ну очень не вовремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/elena-malinovskaya/uzh-zamuzh-vtoroy-raz

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити